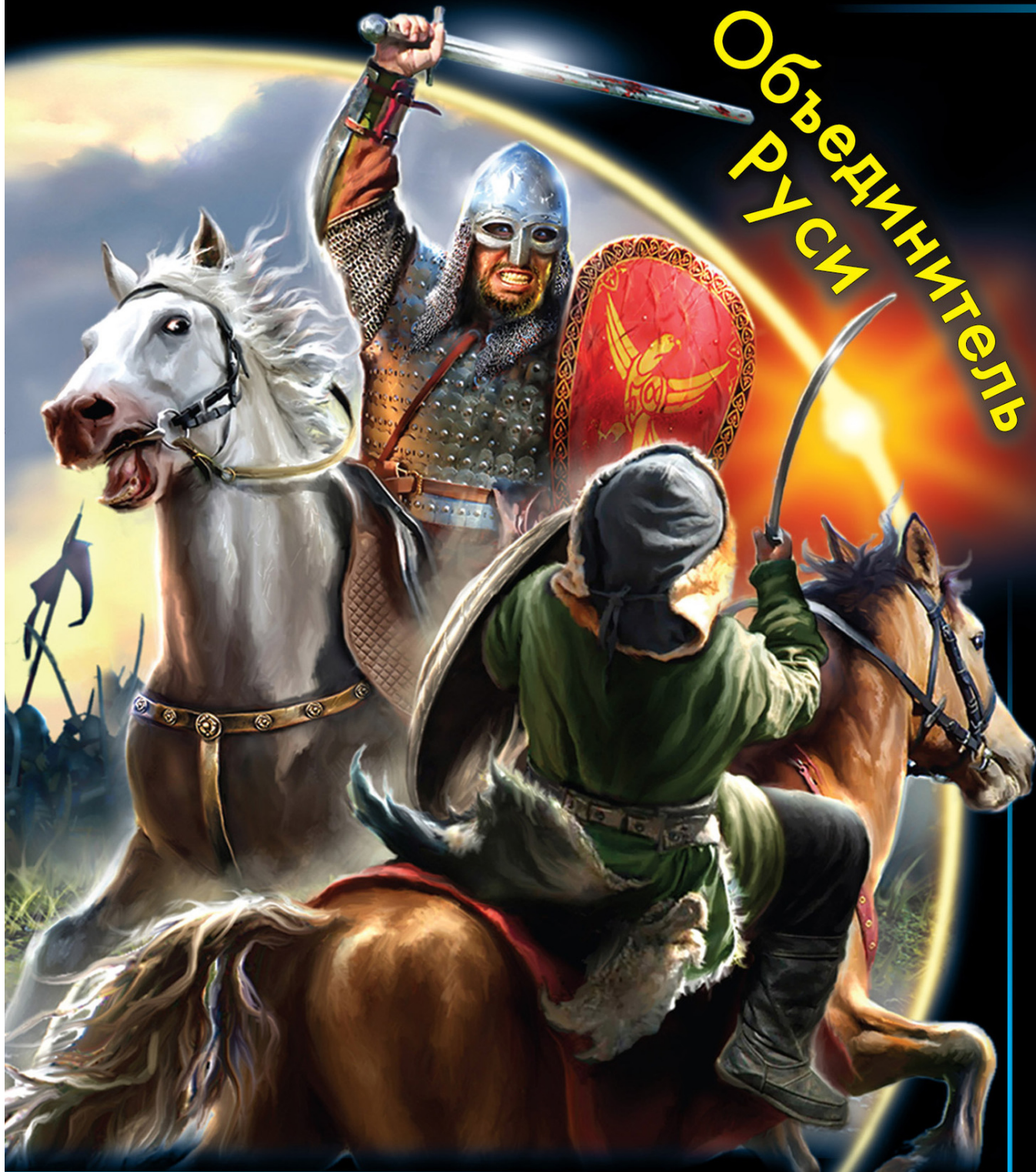

ЦАРЬ ЮРИЙ

*В ВИХРЕ
ВРЕМЁН*

Объединитель
РУСИ

Георгий ЛОПАТИН

В вихре времен

Георгий Лопатин

Царь Юрий. Объединитель Руси

«Махров»

2019

УДК 82-344
ББК 83.3(2Рос=Рус)6

Лопатин Г. В.

Царь Юрий. Объединитель Руси / Г. В. Лопатин — «Махров»,
2019 — (В вихре времен)

ISBN 978-5-00155-018-1

Русь, словно стервятники, рвут на куски спесивые и жадные князья, которые ради получения чуть большей власти готовы натравить на соседа, зачастую родного брата, злобных кочевников. Все знают, чем закончилась эта эпоха распрей – пришел Батый и разгромил всех поодиночке. Чтобы противостоять монгольскому нашествию нужно объединить Русь в единое царство. Решением этой трудной задачи займутся будущий Великий князь владимирский Юрий Всеволодович из рода Рюрика и студент журфака МГУ Юрий Штыков. И горе тем, кто встанет на их пути к благой цели!

УДК 82-344
ББК 83.3(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-00155-018-1

© Лопатин Г. В., 2019
© Махров, 2019

Содержание

Пролог	6
Первая часть. Два в одном	8
Глава 1. Вселенец обыкновенный	8
1	8
2	10
3	14
4	16
5	19
Глава 2. Первые шаги	22
1	22
2	24
3	26
4	28
Глава 3. Борьба в труде и на войне	31
1	31
2	32
3	33
4	36
Глава 4. Дела семейные	39
1	39
2	40
3	42
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Георгий Лопатин

Царь Юрий. Объединитель Руси

© Лопатин Г. В., 2019

© ООО «Яуза-Каталог», 2019

Пролог

Старенькая белая «тойота» летела по ночной практически пустой трассе. Шипованные колеса позволяли водителю уверенно вписываться в повороты, несмотря на зимнее время года, практически не опасаясь участков гололеда из-за периодически случающихся оттепелей.

Юрий Всеволодович Штыков, учась на журналиста и одновременно подрабатывая курьером в фирме «Из рук в руки», спешил из Москвы в Новгород с очередной посылкой. А то зная, как работает государственная почта, нередко теряя почтовые отправления клиентов, не говоря уже о времени пересылки и «аккуратности» обращения, те, кто мог себе это позволить, пользовались услугами частных почтовиков, платя в основном больше именно за срочность доставки.

Яркий «дальний» свет, отраженный в зеркальце заднего вида, неприятно резанувший по глазам, заставил Юрия недовольно поморщиться. «Тойоту» быстро нагоняла какая-то навороченная тачка.

Юрий, выполняя правило трех «Д» – дай дорогу дураку, ибо лихач явно шел на обгон, да еще на «слепом» повороте, – притормозил и принял чуть правее, и этот явный мажор с готовностью выскочил на встречу.

Дальнейшее все произошло так быстро, что Юрий не то что что-то предпринять, он даже осознать ничего не успел. Обгоняющую машину занесло на очередном ледовом участке, произошло столкновение борт в борт, и более легкую «тойоту» просто выбросило в кювет с последующим кувырканием в воздухе, пока не застыла кверху брюхом.

Юрий, придя в себя после потери сознания из-за случившегося в результате удара головой о крышу, сплевывая кровь, вяло попытался выбраться наружу, опасаясь возгорания, тем более отчетливо пахло бензином. Благо выпал из удерживавших его ремней, а дверь открылась из-за сильного изгиба корпуса, и тут услышал скрип снега. К нему кто-то быстро приближался.

Несмотря на муть в глазах, Штыков хорошо рассмотрел этого человека, благо одна фара каким-то чудом уцелела, а аккумулятор не вывалился, обеспечивая питание и продолжала светить.

«Точно какой-то депутат или чинуша, на крайняк барыга», – отстраненно подумал он.

Когда этот некто подошел и присел рядом с Юрием, Штыков почувствовал сильный запах спиртного.

– Эй, ты живой?

– Как видишь...

– Это плохо...

В следующий момент неизвестный достал из подмышечной кобуры пистолет и, замахнувшись, нанес пострадавшему в ДТП удар рукоятью по голове.

Юрий даже испугаться не успел, не то что как-то защититься. Он только удивился тому, что в последние мгновения перед тем, как отключиться, вспомнил не родителей или еще что-то родное и близкое, а недавний поход в музей во Владимире, куда он приехал, отвозя очередную посылку, на тематическую выставку, посвященную великому князю владимирскому Юрию Всеволодовичу, как раз какая-то круглая дала была.

Юрий этой выставкой заинтересовался не столько из-за сходства имени князя со своим, сколько из-за молоденькой, очень симпатичной, а главное – рыжей учительницы, видимо, исторички, что вела свой класс в музей. Он имел некоторую слабость именно к рыжим девушкам.

Не старовата? Все-таки уже дипломированная учительница, а он только студент-третьекурсник.

Нет. Юрий перед тем как поступить в институт успел отучиться три года в ПТУ на механика.

Обломался. Учительница оказалась строгих правил, а может, учеников стеснялась, но, пока подбивал клинья, Штыков выслушал лекцию экскурсовода о великом князе владимирском.

И вот почему-то именно о биографии своего прославленного исторического тезки, лежа в кювете с разбитой головой недалеко от Торжка, он вспомнил особенно ярко в свои последние мгновения.

Но мозг – вообще странная штука, а если учесть к тому же, что он еще травмированный...

Первая часть. Два в одном

Глава 1. Вселенец обыкновенный

1

Голову нещадно ломило и при этом не менее жестоко тошнило.

«Сотрясение...» – поставил очевидный диагноз Юрий, тем более что ему было не впервой.

Шарахнулся он однажды башкой при падении об пол и симптомы прекрасно знал, правда, тогда было не столь погано, благо пол в школьном спортзале деревянный, причем старый, как результат, доски хорошо прогибались и пружинили.

«Но хоть жив, и то радость...» – мелькнула следующая мысль.

А мог и не выжить. Били со знанием дела, и даже странно, что не убили, ведь цель, похоже, была именно в этом.

«Оно и неудивительно, тому типу явно не нужны были проблемы с законом из-за случившегося ДТП, ибо репутация сильно пострадает, а то и с работы выгонят, – размышлял Юрий. – Но, похоже, моя черепушка оказалась несколько прочнее, чем можно было подумать. Или козел этот по пьяни сплоховал».

Его только удивляло, что злоумышленник дополнительно не поджег машину, чтобы уж наверняка все следы замести, ведь на борту «тойоты» могли остаться следы краски от его «БМВ».

«Но, может, испугался, что огонь привлечет внимание других водителей, и этот пожар свяжут с ним? – продолжал размышлять Штыков. – А так стоит мужик у дороги, может, нужду справляет... Мою же машину по темноте и не разглядеть в кустах, особенно если он фару разбил».

То, что машину не подожгли, радовало, так как, помимо явного видеорегистратора, прикрепленного к лобовому стеклу, имелось еще два скрытых против автоподставщиков, и если явный регистратор убийца наверняка прихватил с собой, то вот скрытые все зафиксировали.

Юрий злорадно ухмыльнулся, дескать, сядет этот урод, никуда не денется. Ну а если отмажется от закона, забашляв прокурорским и судье, то... придется взять правосудие в свои руки.

Штыков в этом плане никогда не понимал потерпевших, и не только от ДТП, что могли только плакаться, когда явные ублюдки уходили от законного возмездия, а потом как ни в чем ни бывало продолжали жить и веселиться. Ушел какой-то гад от причитающегося ему наказания? Накажите сами. Выждите год, два, три – и накажите.

Ну, а не можете...

С его точки зрения, такие люди не заслуживали ничего, кроме презрения, ибо рабы, причем добровольные. Свободный человек должен мстить. В этом смысле Юрий был полностью солидарен с Говорухиным, выразившим эту мысль в своем фильме «Ворошиловский стрелок».

Тем временем пострадавший переключился с изучения внутреннего состояния и анализа действий его несостоявшегося убийцы на исследование внешнего мира, в котором было что-то явно неправильно. Но вот мозг начал словно неохотно вычленять эти элементы.

Для начала запахи. Дымили костры, на них что-то варили и жарили. Мясо пахло вкусно. Ну и звуки. Пчелиным роем гудели многочисленные голоса, кто-то смеялся. Совсем близко раздавался чей-то фырк, точнее, лошадиный.

«Откуда тут лошади? – удивился Юрий и открыл глаза. – Разве что деревенские меня нашли...»

Рядом скрипнул снег.

Юрий чуть повернул голову, чтобы посмотреть на своих спасителей, не давших ему околеть в придорожном сугробе, и сильно об этом пожалел, голова буквально взорвалась острой болью, в глазах помутилось, и его стошнило.

– Тьфу ты... тьфу... – отплевывался он от поганого привкуса желчи.

Отплевавшись, он вновь рухнул на спину, как лежал до того, и только сейчас осознал, что лежит в санях на медвежьей шкуре, если судить по цвету шерсти, и укрытый овчиной. Лишь на краю сознания удивился этому обстоятельству, и только (не саням удивился, раз деревенские подобрали, а именно шкурам, точнее, медвежьей, ведь стоит такая шкурка не дешево, чтобы ее в санях в качестве коврика использовать), потому как общее состояние организма не способствовало проявлению каких-то излишне бурных эмоций.

Послышались резкие и где-то даже радостные крики. Юрий их не разобрал. Со слухом было что-то явно не так, что, опять же, неудивительно при сильном сотрясении. Может, область, отвечающая за распознавание речи, задета?

Снова послышался скрип снега, только на этот раз более резкий, быстрый, и, судя по всему, двигалось сразу несколько человек. Это он определить смог.

Собственно, в том, что не ошибся, убедился буквально спустя пять секунд. Над ним нависло сразу три бородатых человека. Вполне себе русские, волос светлый, да и лица славянские. Хотя само наличие бород, конечно, удивило. Не носят нынче такие пышные, даже в деревнях. Пусть и аккуратные, но со странной модой а-ля абрек, что возникла в последнее время, не соотносились, так как были все же несколько более пышными. Хотя и такие есть, но не в таком же количестве?

И в доспехах. В пластинчатых таких, на кольчужной основе. Юрий вспомнил, что такие на Руси вроде назывались дощатыми.

Поверх накинуты какие-то не то кафтаны, не то шубы, да на головах вместо шлемов – меховые шапки с дорогим мехом. Ну и мечи с поясов свисают в богато отделанных ножнах.

«Реконструкторы, что ли, какие-то развлекаются? – подумал он. – Или даже кино снимают?»

– Ну что, брате, очухался? – с легкой кривоватой усмешкой спросил тот, что стоял в центре.

Был он молод, лет так под тридцать. Хотя, возможно, его еще сильнее старила борода а-ля Николай Кровавый. А вот крайние реконы были уже в годах. Суровые такие дядьки под пятьдесят. Лица жесткие, морщинистые, глаза холодные – волчи, в общем, реальные убивцы. Даже странно, что такой ерундой страдают... но выглядели очень органично. Закончено даже.

Чем-то этот человек, назвавший его панибратски братом, Юрию сильно не понравился. Бывает такое, что с первого взгляда кто-то вызывает стойкую антипатию, даже чувство гадливости. Вот и здесь так же произошло.

С тем выражением, утверждавшим, что лицо – зеркало души, Юрий был полностью согласен, как и в целом с теорией психиатра Ламброзо по этому поводу, и, если судить по лицу этого центрального – брезгливо-высокомерного, – то душа у него была с гнильцой. В этом он не раз убеждался на собственном опыте.

Юрий не раз сталкивался с таким типом людей. И в школе, ПТУ, и в институте, и всегда с ними были какие-то проблемы. Очень уж они охочи до подстав и всяких пакостей, при этом властолюбивые, жадные и завистливые. Сами, как правило, на прямой конфликт не идут, так как можно и в рыло схлопотать, но вот натравить своих прихвостней на кого-то им в радость. Или еще как-то исподтишка нагадят, в этом они мастера, что называется, хлебом не корми...

– Д-да... – с трудом выдавил из себя Юрий в ответ на вопрос.

– Вот и ладно... Поправляйся.

Троица во главе с мажором ушла, не дождавшись благодарности за спасение, а к нему подошел кто-то из молодых реконструкторов в простой кольчуге, в накинутом на плечи заношенном вонючем тулупчике.

– Радость-то какая, княжич...

«Совсем заигрались...» – вяло подумал Юрий, страдая от приступа головной боли и тошноты.

– Пить...

– Сейчас, княжич...

Рекон с русой бородкой, что едва-едва выросла, исчез из виду и спустя десять секунд вновь появился с обшитой кожей флягой в руках, что осторожно поднес ко рту пострадавшего.

Юрий сделал несколько глотков. Вода на вкус оказалась какая-то странная. Лишь спустя какое-то время он понял, что фляга ни фига не обшита кожей, а кожаная и есть!

– Тьфу...

«Ребят, вы реально заигрались, аутентичность аутентичностью, но не до такой же степени...» – хотелось сказать ему, но сил ворочать языком уже не было.

Юрия быстро накрыла усталость, глаза закрылись сами собой, и он отключился.

2

Второй раз, когда Юрий очнулся, наступил вечер, а еще он понял, что его куда-то везут на этих самых санях. Его по-прежнему изрядно мутило и болела голова, но все же ощущал себя чуть легче.

«Что за ерунда?! Куда вы меня везете?! – изумился он. – Вызовете скорую, дебилы, а не занимайтесь самодеятельностью!»

Еще больше изумился, когда понял, что рядом едут эти заигравшиеся реконструкторы. На лошадях. Лошадки при этом показались ему какими-то неказистыми и излишне мохнатыми.

«И где только таких задохликов нашли...» – возникла малоуместная мысль.

Он хотел спросить, почему до сих пор не вызвали скорую, ведь с таким тяжелым сотрясением шутки плохи, но изо рта раздался только хрип.

Тут же появился давешний молодой реконструктор и вновь протянул кожаную флягу:

– Испей, княжич.

– Да вы чего, совсем, что ли, на всю голову ушибленные?! – просипел он, отворачиваясь.

Его никто не понял, речь была тиха и малоразборчива от хрипа, разве что осознали, что воды он не хочет.

Один из реконов, едущий на коне рядом с санями, усмехнулся и сказал:

– Правильно, нечего княжичу простую воду хлебать, на вот дай ему...

С этими словами всадник отцепил свою флягу и протянул «няньке».

Во рту был дикий сушняк, плюс ощущение, что мышцы насрали, так что Юрий уже был согласен и на воду из кожаной емкости, авось не отравится. Правда, на этот раз во фляге плескалась не вода, а слабенькое винцо. Да еще кислое.

«Но все лучше, чем вода, воняющая кожей», – подумал он.

– С-спас-сиб-бо... – заикаясь, ответил Юрий.

«Вот же блин, не было печали, теперь еще и заикой стал. Остается только надеяться, что это временно...» – опечалился пострадавший.

Но, видимо, даже тех невеликих градусов вкуче с сотрясением хватило, чтобы его развезло.

– Я беременна-а, но это временна-а... Тьфу ты...

В голове словно что-то шелкнуло.

«Ты кто?!» – вдруг возник испуганный голос в его голове.

«Юрий...» – на автомате ответил Юрий, так как из-за не совсем вменяемого состояния не сразу понял, что вопрос прозвучал не снаружи, а внутри его черепушки.

«Это я – Юрий!» – буквально в истерике заверещал голос.

«Беда...» – пробормотал мысленно Юрий. – Уж лучше на всю жизнь остаться зайкой, чем со столь яркой шизой...»

«Изыди, демон! – вновь раздался истеричный возглас, а потом начал торопливо читать молитву: – Ижеси на небеси...»

«Мн-да... раздвоение личности, это абзац, чтоб хуже не сказать», – тоскливо подумал Юрий, понимая, что если эта шизоидальная хрень в ближайшее время не рассосется сама собой, то здравствуй, дурка, с крепкими санитарами в качестве конвоя, наряды в виде рубашки с длинными рукавами, горсти таблеток с веселой расцветкой и болючие уколы в задницу.

А это клеймо на всю жизнь. Не на Украине, чай, живем, чтобы патентованные психи могли спикерами Рады работать...

Он, конечно, в политику идти не собирался... хотя мыслишки такие были, как раз подбирал партию, в которую можно было вступить, но пока так и не определился. В конце концов, чем черт не шутит? Как говорится, плох тот гражданин, что не хочет стать президентом.

«Хотя, все может быть не так уж и плохо, – подумал Юрий, еще раз взглянув на одоспешенных людей, что сопровождали сани. – Все может быть гораздо хуже...»

Сейчас, немного очухавшись и внимательно осмотрев сопровождение, Юрий начал понимать, что это ни фига не реконы на слете, а вполне себе реальные вои. Как ни странно, убедили его в этом не всякие характерные мелочи, не то, что никто до сих пор не закурил, не взялся за телефон и т. д. и т. п., а именно лошади.

По сравнению с этими мелкими копытными любая деревенская кляча будет выглядеть породистым скакуном. Ну не найти такую мелкоту, разве что в Монголии. Но реконы такой ерундой страдать не станут, какими бы они ни были ушибленными на голову в плане аутентичности.

Стало тоскливо. До ужаса.

Накатил приступ клаустрофобии. Хотелось вскочить на ноги и куда-то бежать...

«Приплыли. Значит, меня таки грохнули в свое время, и лежу я сейчас в сугробе, остываю, – подумал Юрий через какое-то время, когда более-менее пришел в себя и мог связно мыслить. – Будущий подснежник, понимаешь... А тут я, получается, вселенец».

Ему захотелось хлебнуть спиртосодержащего, но только чего-нибудь градусом повыше, чем эта кислятина. Хотя за неимением гербовой и эта кислятина сойдет, если много и без закуси.

Юрий хотел было потребовать бухла, но почему-то тело его не слушалось, хотя не так давно проблем с управляемостью не было.

«Ну да, настоящий хозяин очнулся, вот и не слушается тело залетную душу», – сделал он логичный вывод.

Но через минуту вселенец немного повеселел. В конце концов, в любой ситуации можно найти положительные моменты, вот и он нашел, припомнив, как к нему обращался тот выюнош в кольчужке. Княжич – это все-таки не холоп какой.

«Осталось только договориться с хозяином тела, для начала хотя бы о мирном сосуществовании, ну и чтобы не растрепал кому не следует о произошедшем, а не следует никому», – не без тревоги подумал Юрий.

Хозяин тела тем временем продолжал бубнить молитву за молитвой, как заведенный.

«Слышь... Юрий, – обратился к хозяину тела Юрий-вселенец, понимая, что пора уже налаживать контакт, следовало начать получать информацию об окружающем мире и о самом реципиенте. – А как твое полное имя?»

Но тот не отзывался, только еще громче и быстрее начал молиться.

«Да хватит уже бубнить, видишь, не помогают молитвы, мне от них ни холодно, ни жарко, стало быть, не демон я», – попытался снова достучаться до сознания хозяина тела Юрий-вселенец.

Невнятный речитатив прекратился.

«Точно не демон?»

«Точно. Демон бы просто пожрал твою душу и уже завладел телом, а я не могу. Разве что ты сам отдашь мне управление...»

– А кто ты тогда есть?..

– Что, княжич? – обернувшись, переспросил возница. – Прости, не расслышал...

«Эй, говори мысленно, а не вслух! – перепугано воскликнул Юрий-вселенец. – Если сейчас растреплешься всем, что, помимо тебя, тут еще и я, то сожгут теперь уже нашу общую тушку почем зря. Никто не станет разбираться, демон я или нет, устроят аутодафе просто на всякий случай! А тело теперь общее, и жизнь у нас одна на двоих, хочешь ты того или нет. Я, например, тоже не в восторге от того, что меня к тебе занесло, но, тем не менее, я еще пожить хочу, даже в таком состоянии... глядишь, еще и обломится чего. Ответь ему, что все в норме, а еще лучше – попроси попить».

– Пить хочу... – послушно сказал все еще шокированный произошедшим с ним хозяин тела.

Ему все еще было откровенно страшно, но и на костер он не хотел. И, в принципе, Юрий его прекрасно понимал, поставив себя на его место, ситуация действительно, мягко говоря, неприятная. То, что он сам свое вселение принял достаточно адекватно, было заслугой современной литературы, да и выбора у него нет, кроме как начать быстро адаптироваться к новым условиям.

«Хотя кто знает, может, еще все впереди, и буду волком выть, – подумал он, но поспешно задавил в себе упаднические мысли. – Не время раскисать. Как бы это дико ни звучало, пусть меня убили, но я еще жив, а значит, не все потеряно... Опять же, очень многие были бы рады поменяться со мной местами... вот и радуйся».

Возница протянул флягу и помог напиться. На этот раз снова была вода.

«Так кто ты, ежели не демон?» – снова спросил хозяин тела все еще с опаской.

«Душа залетная... Грохнули меня супостаты, и вместо того, чтобы в рай или ад отправиться, как всем порядочным духовным сущностям, не иначе как по Господней воле появился в твоём теле», – ответил Юрий-вселенец.

«Зачем?»

«А я знаю? Как говорят священники, пути Господни неисповедимы. Сам, наверное, не раз слышал это высказывание. По крайней мере, мне никто конкретных целей не ставил. Может, в помощь тебе отправили...»

«А может, ты посланник дьявольский?!»

«Снова заново... – с укоризной протянул Юрий-вселенец. – Ты ж сам только что истово молился, а результата нет. И потом, вот доедем до какой-нибудь церкви, там святой водой побрызгают, и если я посланник Дьявола, то тут же в мучениях исчезну, а если нет, то нет. А пока не побрызгали, давай будем исходить из того, что я все же не слуга врага рода человеческого. Чего молчишь?»

«Хорошо...» – послышался ответ неуверенным тоном.

«Это хорошо, что хорошо, – жизнерадостно продолжил давить Юрий-вселенец. – Так вот, о себе. Зовут меня, как и тебя, стало быть, Юрий, сын Всеволода из рода Штыковых. А тебя?»

«Юрий Всеволодович из рода Рюриковичей», – гордо ответил хозяин тела.
«Зачетно! Это я удачно попал...»

Одновременно подумалось, что имя все же играло немаловажную роль в подселении его к будущему великому князю. Вспомнились около-и псевдонаучные истории про информационное энергополе Земли, дескать, в этом поле отображена вся информация о прошлом, настоящем и будущем...

Вспомнились также прочие случаи о людях, что после травмы головы начинали говорить на других языках, обладали иными знаниями... не иначе как к ним такие же залетные души подсеялись. А происходило полное замещение одной души другой или же просто подселение, как в его случае, – это уже частности.

«Не иначе какой-то сбой в «компьютерной системе» из-за внешних воздействий в виде каких-нибудь природных явлений типа вспышек на Солнце, и тогда магнитные бури могли заставить «программу» сработать некорректно», – подумал Штыков.

То есть если душу воспринимать лишь как информационный пакет, то вместо того, чтобы после смерти отправиться в некий архив, а то и вовсе в «корзину» с последующим удалением, в его случае произошло перетаскивание в чужой «текстовый файл» из-за частичного сходства в названии файлов, да еще в прошлое... Так что не он первый, не он последний.

«Что?»

«Да так, не обращай внимания... А отец твой часом не тот, что зовется Большое Гнездо?»

«Да, его так называют, а имя его – Всеволод Юрьевич».

«Твою ж м...» – начал было экспрессивно Юрий-вселенец, но вовремя примолк.

Не стоило браниться, да еще так, хоть и очень хотелось.

«Что такое?» – обеспокоился хозяин тела, почувствовав нервное состояние приبلудной души.

«Какой сейчас год, Юра?»

«Шесть тысяч семьсот девятнадцатый год от сотворения мира...»

«Так... Это, стало быть, тысяча двести восьмой-девятый от Рождества Христова... Фу ты ну ты...» – с облегчением выдохнул Юрий-вселенец и даже удивился, что вспомнил, сколько именно надо отнять, все-таки эта не та информация, которую твердо помнят простые люди.

«В чем дело? Что тебя так обеспокоило?» – уже с откровенной тревогой спросил Юрий Всеволодович.

«Да так, время еще есть... целых тридцать лет. Прорва времени если подумать. Составиться успеем, если раньше не помрем».

«А что случится через тридцать лет?»

«Башку тебе отрубят... а точнее, уже нам, если, конечно, ничего не изменить».

«Кто?! За что?!» – испуганно-негодующе воскликнул княжич.

«Кто – монголы, а за что – за то, что не захочешь преклонить перед ними колени и платить дань – десятую часть всего, в том числе в людях».

«Откуда ты знаешь?»

«Оттуда... в смысле, что к тебе из две тысячи восемнадцатого года от Рождества Христова прилетел».

Княжич промолчал, переваривая информацию, не зная, как к ней относиться.

«Кстати, слышали уже что-то о них? Ну не могли не слышать от тех же купцов».

«Нет, ничего ни о каких монголах мы не ведаем».

«Ну, наверное, еще рано... – подумав, ответил вселенец. – Они там еще на востоке тусуются... Сам Чингисхан еще жив... кажется. Кстати, можешь гордиться, тебя канонизируют, будешь в числе святых. Впрочем, вас много кого канонизируют по поводу и без...»

«Не хочу...»

«В числе святых быть? Или с головой расставаться? – не смог удержаться от ироничной подколки Юрий Штыков. – Тут я тебя понимаю, утешение так себе, башка – она как-то ближе, особенно учитывая, что просрал не только свою башку, хрен бы с ней, так еще жену твою зверски замучают и детей с внуками заодно. Я уже молчу о всех твоих братьях, сестрах и их детях. Мало кто выживет. А потом почти триста лет Русь будет изнывать от монголо-татарского ига, и в этом твоя немалая вина, как будущего Великого князя Владимирского».

«В чем именно моя вина?» – недовольно-недоверчиво спросил княжич.

«В слабости и желании все решить миром. Кому-то ты не захотел помочь, кому-то не успел. Понятно, что это не только твоя вина, но и прочих князей, что мнят себя пупами земли, а потому разобщены и не способны договориться между собой о единстве даже перед лицом страшного врага. Шутка ли, русских войск было в два раза больше вражеских, и проиграли, потому как каждый князь всяк по своему сражался, кто в атаку пошел, кто отступил, кто еще куда-то поперся... у меня этот бардак в голове не укладывается! Но на тот момент ты был в числе сильнейших князей всей Руси и, видя идущую с юго-востока угрозу, не подмял под себя остальные княжества, где дипломатией, где силой, чтобы, собрав всю мощь Руси в кулак, отразить нападение, хотя мог. Опять же, привыкли считать кочевников просто татями, что время от времени нападают, берут, что могут унести, и уходят обратно в степи. Монголы не такие. Недоценили вы их, сильно недоценили, хотя удивительно это».

«Почему?»

«Потому, что к тому моменту они покорили уже множество государств от огромной империи Цин или Мин, не помню, как она точно сейчас называется, далеко на востоке, до различных эмиратов, халифатов и ханств на юге, что имели армии куда как более многочисленные и сплоченные, чем русские, но почему-то это никого не насторожило, как и то, что монголы, кого-то завоевав, не уходят с завоеванной территории обратно в степи».

«Это правда?» – потрясенно спросил княжич.

«Правда...»

3

«Эй, княжич, ты куда пропал?» – позвал Юрий-вселенец после затянувшейся паузы, во время которой хозяин тела переваривал полученную, очень непростую, информацию.

И его состояние можно понять. Не каждый день залетная душа обвиняет тебя в таких ужасах, поневоле в уныние впадешь.

«Никуда... тут я...»

«Чего смурной такой?»

«А чего радоваться? Меня убьют, будущую жену замучают, еще не рожденных детей тоже изведут...»

«Тут ты прав, поводов для радости мало, – согласился Юрий Штыков. – А может, наоборот, как раз и стоит радоваться».

«Чему?»

«Как это чему? Теперь ты знаешь, что с тобой и твоими родными, не говоря уже о всей Руси, произойдет, и ты, хотя правильнее все же будет сказать мы, можем все изменить».

«Верно! – более бодрым тоном отозвался хозяин тела. – Но того, что ты сказал, с одной стороны, много, а с другой – мало».

«А чего ты хочешь знать?»

«Например, чем закончится этот поход?» – поинтересовался Юрий Всеволодович.

«Кстати, да, на кого вы, собственно, ополчились и за что?»

«Мы с Константином идем на Торжок против новгородцев. Они, тати такие, держат брата нашего Святослава в заключении, призвав на княжение Мстислава Мстиславича по прозванию Удатный. Мы должны прогнать Мстислава и освободить брата, вернув ему стол».

Юрий Штыков понял, что тот центральной мажор с неприятным лицом и есть Константин. Смутно припомнилось, что с этим типом у Юрия были какие-то терки после смерти отца. А что? Почему? Темный лес. Но понятно, что за этим типом надо приглядывать, а то братья такие братья... особенно в это время.

«Вот оно как... Впрочем, неудивительно, новгородцы те еще хитрожоппы, вечно что-то крутят. Торгаши. Что с них взять? Что до исхода похода, то извини, я без понятия кто победит».

«Как так?!»

«Ну а что ты хочешь? – в свою очередь удивился Штыков. – Для меня сегодняшние события – жуткая древность. Восемьсот лет прошло. Так, глянул в хроники одним глазом, когда историю в школе учили. Опять же, у вас же тут каждый год поход, да не по одному, все не упомнить при всем желании. Да и не интересовался я никогда подробностями, тем более что они записаны без подробностей... такой вот каламбур».

«То есть?»

«А то и есть. Пишут, что такой-то князь участвовал в походе на такого-то князя или просто на половцев, и все. Кто при этом победил, какие силы выставил, не пишут».

«Странно... Но хоть что-то еще обо мне можешь вспомнить, кроме того, что мне башку срубят, а потом канонизируют?»

И Юрий Штыков с удивлением понял, что таки да, может. Будь он в своем обычном состоянии, то есть полноценно живым в своем теле, а не приبلудой, то ни за что бы не вспомнил даже десятой части. А так вдруг стали всплывать слова пожилого экскурсовода.

Вдруг ему подумалось, что с той рыжей училкой у него ничего не вышло, потому как экскурсовод мог оказаться ее папашей. Определенное сходство имелось, сейчас он это отчетливо понял, но тогда на это внимание, по понятным причинам, не обратил.

«Хм-м... В тысяча двести одиннадцатом, это через три года, женишься на Агафии Всеволодовне, дочери Всеволода Святославовича Черного князя Черниговского».

«Хм...»

«Что? Страшная?»

«Не знаю...»

«Тогда чего нос воротить?»

«Отец ее... малоприятный человек».

«Так что тебе ее отец, главное – невеста! Или боишься, что яблоко от яблони падает недалеко? Тогда в этом плане надо смотреть на мать... Вот если мать стерва, то и дочка ее будет под стать...»

«Ты это... давай дальше говори, – недовольно отозвался княжич. – Не до мелочей сейчас».

«Дальше так дальше, – не стал спорить Штыков. – У вас будет три сына: Всеволод, Мстислав и Владимир – и две дочери: Добрава и Феодора. В следующем году станешь великим князем владимирским».

«Я?! Не Константин?!» – изумился хозяин тела.

«Да, ты».

«Но ведь он должен по праву и старшинству. Или с ним что-то случилось?»

«Нет, не случилось. Хотя лучше бы случилось... Отец ваш так почему-то решил, а почему, не знаю, не интересовался. Вы с ним бучу из-за этого начнете. Прокняжишь пять лет, после чего Константин тебя скovyрнет. Сядешь в Городец на два года, потом еще на два года пересядешь на Суздаль. Потом твой брат умрет, и ты снова вернешься во Владимир. Куча потерянного времени... Как у тебя вообще отношения с братом?»

«Нормальные...»

«Ну, это пока... Так, что еще могу сказать?.. Собственно, что ни год, то поход, несмотря на твое миролюбие... по крайней мере, летописи говорят, что ты миролюбив и набожен. Терки с волжскими булгарами, после того как замиришь их, будешь долго бодаться с мордвой и тоже их замиришь, хоть и предадут они, когда придут монголы, будешь драться с князьями и с орде- ном меченосцев. Тут, извини, без подробностей, но в целом удачно. Кстати, не хочешь поин- тересоваться, кто победил в схватке, где тебя отоварили по кумполу?»

«Действительно...»

– Ждан, кто победил-то? А то я как опал, так и не знаю ничего...

– Мы, княжич! Бежали новгородцы к Торжку, за стенами спрятались!

– В осаду, стало быть, встанем.

– Осадим и побьем! – продолжал гореть энтузиазмом Ждан.

– Ладно, дай еще попить...

Кстати, пока два Юрия беседовали, совсем стемнело, зимой это быстро, караван, двигав- шийся, как оказалось, не по дороге, а по какой-то мелкой речушке, встал и стал готовиться к ночевке. Ставились шатры, маленькие палатки, разжигались костры...

«Как вообще вышло так, что тебе по башне заехали?» – поинтересовался Юрий Штыков.

«Так в бою...»

«Понятно, что не на бабе... Командует по старшинству Константин, вот мне и интересно, куда он тебя поставил и с какими силами?»

«Под моей рукой левый полк...»

«Дай угадаю, числом твой полк мал, и собраны в нем в основном молодые вои – младшие дружинники. А потом по ним и пришелся чуть ли не главный удар противника. Так?»

«Да...» – задумчиво подтвердил хозяин тела, осмысливая произошедший бой.

«Что и требовалось доказать».

«Что именно?»

«Ну что ты в самом деле, как малой? – скорбным тоном ответил Юрий Штыков. – Костя хочет от тебя избавиться, чувствует, наверное, что отец им не сильно доволен, и у него почти получилось. Так что надо быть внимательным».

«Даже если ты прав, то и не получится, если, конечно, верить тебе...»

«Это в моей истории не получилось. Но теперь здесь я, мы, чтобы не потерять башку от рук монголов, будем менять историю, а значит, сменится та историческая линия, в которой у твоего братца тебя кокнуть не получилось, но может получиться в новой последовательности».

«Если тебя прислал Бог в помощь мне, то он не допустит...»

«На бога надейся, а сам не плошай», – резко оборвал Штыков тезку.

Его от религиозного фатализма людей вообще коробило. В этом фатализме он видел главный недостаток христианской религии, когда из людей делали по сути добровольных бес- словесных рабов.

«Вот слушай притчу по этому поводу, она как раз в тему...»

Штыков рассказал Юрию Всеволодовичу историю про набожного человека в момент наводнения с предупреждением соседей, бревно и лодку со спасателями, но тот в надежде на спасение его самим Господом все равно потоп.

«Понял?»

«Да...»

4

После ужина снова разговорились. Юрий Штыков поинтересовался расположением войск и их численностью. Ответ Юрия Всеволодовича его не обрадовал. Победа владимирских

войск, которой был так воодушевлен Ждан, с его точки зрения, оказалась никакой не победой, а заранее спланированным отступлением новгородцев.

«Удатный все-таки не последний лох в тактике и стратегии. Не зря о нем отзывались как о талантливом военачальнике, хоть и трусоватом, ибо сбежал во время боя на Калке, – подумал Юрий Штыков. – А может, и не побег это был, а спланированная подстава, чтобы всех его конкурентов монголы порешили, а он потом, договорившись с ними, получил всю власть над южной Русью».

Что до прошедшей битвы, то противник выдвинул против армии владимирцев слишком мало сил для настоящего полевого сражения с целью победить. Больше это походило на спешно выставленный заслон с целью задержать врага, чтобы выигранной паузой подтянуть дополнительные силы, а также лучше подготовиться к обороне Торжка, и со своей задачей они блестяще справились, при том, что потери понесли не такие уж и большие.

Владимирцы застряли у поля боя на целых три дня. Пока своих раненых обиходили, убитых своих и чужих похоронили, трофеи собрали и распределили, да и потом армия, отягощенная ранеными, двигалась куда как медленнее. А избавиться от раненых тоже нельзя, ведь, чтобы их вернуть во Владимирское княжество, нужно отрядить часть боеспособных войск для охраны, что вкупе с уже имеющимися потерями сильно ослабит армию вторжения.

Выводы Штыкова Юрию Всеволодовичу сильно не понравились, но обдумав, он вынужден был с ним согласиться. Все-таки это не первый его поход, и с некоторыми тактическими уловками княжич был знаком, хотя особыми изысками в военном деле никто не блистал, по крайней мере, с высоты прошедших веков. Юрий Штыков, хоть и не служил в армии, по учебе в институте, который не успел окончить, но все же успел нахвататься всякого по верхам. По крайней мере, он знал про косую атаку...

А так засадный полк – это максимум, вершина местной тактической школы, используемый, если это позволяет ландшафт. Тактическое отступление во время боя с целью заманить противника под удар уже не использовалось, ибо в целом с управлением войск во время боя просто беда, не до изысков. Масса воинов просто бросалась в бой, а там как кривая вывезет. У особо продвинутых военачальников даже иногда резерв имеется...

Князья ведь сами ведут свои полки в бой, чуть ли не в первых рядах, что и показало ранение Юрия Всеволодовича, чудо, что почти полностью polegшая охрана все же сумела его вытащить из схватки. Достоинство всяческого уважения, но глупо. Какое в таких условиях хоть сколько-нибудь внятное управление? Опять же, религиозный фатализм, дескать, на чьей стороне Бог, тот и победит. Вот такие пироги с котятами.

«Беда-печаль. С таким подходом к военному делу монголов не победить, даже если удастся объединить Русь под одной рукой, – сказал Юрий Штыков. – В конце концов, воюют не только числом, но и умением. Так вот, тезка, монголы воюют в том числе и умением. А вы кидаетесь в мясорубку всей толпой, как дикая орда, а там как кривая вывезет...»

«Все в руце Божьей...»

«Мы, кажется, уже говорили по поводу Божьей воли, княжич. На бога надейся, а сам не плошай. Так что давай, привыкай своей башкой думать и просчитывать варианты, а не на Бога все валить».

«А как тогда, по-твоему, должно воевать?» – насупился хозяин тела.

«Для начала командир должен иметь возможность с помощью звуковых или флажковых сигналов управлять всей массой войск, для чего эти войска должны иметь хоть какую-то дисциплину, для чего соответствующим образом обучены...»

«Это получается, что князь не идет в бой, а стоит за своими воинами и смотрит, как они бьются?» – возмутился Юрий Всеволодович.

«Именно!»

«Но это бесчестно! И нет славы!»

«Тьфу ты, снова заново... – горестно протянул Юрий Штыков. – Я ему про Федора, он мне про Ярему... Послушай меня внимательно Юрий Всеволодович, будущий великий князь, и постарайся понять, что когда придут монголы, никто из внуков Чингисхана, что будут командовать этими вонючими, из принципа не моющимися ордами, не станет лично вести в бой свои тумены, ты не встретишься с ними лицом к лицу, забудь об этом. Они будут стоять в отдалении на холме в окружении сотен охраны из самых умелых и хорошо оснащенных бойцов и управлять войсками, посылая тысячи с одного конца поля боя на другой, туда, где они нужны для победы. А вы, желая снискать дешевую славу, находясь в гуще боя, даже не будете этого видеть, вы даже не поймете, что вас давно окружили и чихвостят в хвост и гриву, стачивая как бобер ветку. А когда поймете, будет уже слишком поздно. Так ты, собственно, свою башку и потерял в известной мне истории, лично с упоением рубясь с каким-то рядовым вшивым кочевником-пастухом, ни хрена не видя, что происходит вокруг. Нужно видеть картину целиком, чтобы понимать, что происходит, и реагировать на происходящие изменения. Вот ты считаешь, что князь должен сам вести своих воев в битву, так?»

«Да...» – уже не столь уверенно, после такой отповеди, ответил княжич.

«А вот когда крепости или города штурмуют, почему князь не идет в первых рядах и в числе первых не взбирается по лестнице на стену?»

«Э-э... м-м... ну-у...»

«То есть в поле он должен вести своих витязей лично, а на стену почему-то вести не должен, а должен руководить издалека? – продолжал психологически давить Штыков. – Вот скажи мне, Юрий, поведет Константин дружину на стену Торжка лично?»

«Нет...»

«А ты бы повел?»

«Нет...»

«А почему?»

Юрий Всеволодович на этот вопрос промолчал, не зная ответа, ведь так было всегда, он об этом и не задумывался никогда.

А действительно, почему в одной ситуации князь должен вести в бой воев, а в другой – нет? В чем, собственно, разница? Ведь если подумать, то ни в чем. Однако же поведение различно.

До самого отбоя Юрий Штыков продолжал потихоньку капать на мозги княжича, подтачивая этот валун из странных, зачастую малопонятных и даже нелогичных представлений о чести и славе.

Много ли чести и славы, погибнув в бою, просрать город и жителей, которых ты обязался защищать, обрекая их на насилие и ограбление? А ведь мог и не погибнуть, управляя войсками со стороны, и даже более того – победить и оградить своих подданных от поругания.

Так в чем истинная честь и слава? В защите подданных или в личном участии в рядовом сражении?

Вот так, час за часом, день за днем Юрий Штыков потихоньку-помаленьку продолжал перестраивать личность Юрия Всеволодовича, перестраивая его ценностную картину мира.

Не факт, что задуманное удастся в полной мере, но он старался. Какие-то сдвиги появились с первых дней, но получалось с трудом. Все таких княжич по местным понятием был уже зрелым мужем – двадцать лет с устоявшейся картиной ценностей, что есть хорошо и что есть плохо.

Для Юрия Штыкова, продукта беспринципных отношений звериного капиталистического общества, где человек человеку – волк, а наглая ложь – обычный инструмент политики, многие постулаты, вера в данное слово были по-детски наивны, при том, что тринадцатый век

тоже был далек от человеколюбия, но, тем не менее, как-то тут уживались рыцарские понятия о чести.

Предприми кто-то такие попытки перевоспитания извне, то есть будь это живой человек, то все труды пошли бы прахом, он бы просто не воспринял эти доводы. Но в том-то и дело, что это происходило изнутри. Подселение чужой души поколебало психику Юрия Всеволодовича, сделав его более податливым. Он, фигурально выражаясь, не превратился в глину, из которой можно было быстро вылепить необходимое, более того, он нередко спорил и стоял на своем, но вода камень точит, и Штыков, как более искушенный в выворачивании смыслового значения того или иного понятия (ведь в его время только тем и занимались, превращая черное в белое и наоборот), словно вооруженный долотом и молотком скульптор, откалывал кусочек за кусочком, формируя нужный скульптурный образ...

5

Осада Торжка не задалась.

Новгородцы сумели воспользоваться задержкой владимирских войск и стянули к городу-крепости дополнительные силы. Пойти на штурм означало потерять большую часть армии под стенами этого городка. Мало того, что отец этого не поймет, так еще с оставшимися силами не выполнить главной задачи похода по взятию Новгорода и освобождению Святослава.

Оставить его и двигаться дальше тоже нельзя. Оставить такую силу у себя в тылу было, мягко говоря, глупо, ибо означает оказаться между молотом и наковальней.

Константин на совете рвал и метал. Как человек опытный, несмотря на свои двадцать три года, участвовал в десятке походов, он понимал, что это пат, причем пат в пользу новгородцев.

Осталось только попробовать взять противника на понт, устранив мощью своих войск.

Не испугались. Над стенами густо «росли» головы защитников.

Но по обычаю все же перед схваткой следовало провести переговоры, так сказать, донести свое мнение до оппонента.

Из ворот выехала кавалькада из дюжины всадников. Им навстречу выехало столько же представителей владимирского княжества во главе с Константином.

Юрию тоже пришлось поехать, несмотря на недуг, хотя за прошедшие дни ему стало значительно лучше. Уже не тошнило, хотя резких движений стоило избегать.

Встретились где-то посередине.

Юрий Штыков глазами своего тезки рассматривал оппонентов, а именно центрального – Мстислава Мстиславича Удатного, князя торопецкого. Тридцать два года, но выглядевший сильно старше. Впрочем, тут почти все выглядели старше своего возраста, если судить по канонам конца двадцатого – начала двадцать первого века.

Глядя на Мстислава, Штыков дал этому князю одну характеристику – хитрован. Было в нем что-то плутовское. Да и прозвище Удачливый о многом говорит. А удача, как правило, сопутствует подготовленным и предусмотрительным.

– Почто пришел в землю новгородскую гостем незванным, да еще с войском немалым? – спросил этот хитрован.

– Ты! – тут же вскипел Константин, но все же сумел сдержаться и продолжил более спокойным тоном: – Ты бесчестно полонил брата моего и хочешь сесть на стол его... Освободи его и уходи обратно в свое княжество.

– То не я полонил...

«Ну да, я не я и лошадь не моя», – усмехнулся Штыков.

– Полонили его новгородцы, уставшие от бесчинств и несправедности Святослава, и призывали меня на новгородский стол для защиты от беззакония вашего. Был бы он хорошим князем, так отказались ли бы люди добрые от него?

Юрий Всеволодович невольно поморщился. Увы, братец был далеко не ангелом. Опять же, возраст такой, что не до государственных дел ему, одни девки на уме. Вот и допрыгался... на тех, на кого прыгать не стоило.

Да и по характеру он больше походил на старшего брата Константина, такой же... гниловатый. Только если старший таким стал из-за того, что наследник, а стало быть, ему по статусу все должны и обязаны, то младший – просто от разбалованности. Ну как же, младшеньким достается вся родительская любовь, и им все прощается, вот и выросло... прости Господи.

– Освободи брата нашего и уходи из земли новгородской! – гнул свою линию Константин.

– Брата вашего освободить готов, но из земли новгородской не уйду. Люди меня позвали, и только они могут меня прогнать.

Собственно, больше говорить было не о чем. Мстислав предложил размен, но Константин пойти на него вот так сразу не мог – потеря лица. Так что придется Святославу еще немного покуковать в заключении на «хлебе и воде».

«Глядишь, на пользу пойдет, за верхнюю голову возьмется и ей думать начнет», – усмехнулся на это Штыков.

Юрий Всеволодович на это ничего не ответил, только скривился.

На повторном военном совете ни до чего не договорились. Кто-то из бояр, молодых да ранних, до славы охочих, предложил атаковать, но более мудрые советники, приставленные отцом к братьям, их осадили:

– Пойдем на приступ, потеряем воев немало, да так, что ослабнем столь сильно, что враг может выйти из града и добить. Побитыми назад вернемся, не только новгородский стол не вернув, но и Святослава не вызволив. В осаду вставать надо.

– Припасов у них много, – возражали «ястребы». – Продержатся хоть год.

Константин явно колебался. Терпеть поражение ему не хотелось, а осада именно поражением закончится. В атаке же есть шанс на удачу.

– А ты что скажешь? – спросил он у Юрия, видимо, решив разделить ответственность.

Это победу он бы забрал себе без колебаний...

Но Юрий Всеволодович тоже внятного мнения не имел. Юношеская горячность толкала его в бой, но в то же время понимал, что условия очень невыгодные. Опять же, перевоспитание потихоньку начало приносить свои плоды. Так бы он однозначно проголосовал за штурм.

«Ратуй за осаду, но не штурм», – решил подсказать Штыков.

«Почему? Слышал же, что они хоть год просидеть за стенами могут».

«Могут, да не станут?»

«Отчего?»

«Все просто. В самом названии города заключена его суть, а именно торговля. Новгородские купцы и бояре за каждый день простоя своего торгового представительства несут немалые убытки, а кошелек – их самое больное место. Не захотят они долго терять деньги, пойдут скоро на мировую, и Мстислав подчинится. Просто выждут чуть, чтобы лицо не потерять, и отдадут вам брата. А Новгород вы, увы, в любом случае потеряли. Видно, что накуролесил ваш братец действительно изрядно. Прогнать Мстислава Мстиславича при всем желании не смогут, даже если он окажется еще хуже Святослава. Ибо с теми, кто меняет князей по пять раз на дню, никто дел иметь не станет».

«Хорошо...»

Юрий Всеволодович ответил брату, как советовала приبلудная душа, и Константин удовлетворенно кивнул.

– Быть посему...

И началось стояние, продолжившееся без малого два месяца. Как и полагал Штыков, долго новгородские купцы с боярами терпеть убытки не пожелали, торговые караваны стали идти по другим маршрутам, никто не хотел быть ограбленным, и выдали Святослава.

Возвращение во Владимир вышло безрадостным, но молебен в свеженьком Успенском соборе о спасении отслужили и побрызгали святой водой. Юрий специально подставился под самый густой «дождь», коим окатил его епископ Иоанн.

«Ну вот видишь, не демон я», – с ехидцей заметил Юрий Штыков.

С ехидцей, потому как хозяин тела в момент соприкосновения святой воды с кожей с замиранием сердца ожидал... всякого.

Юрий Всеволодович на это отреагировал смешанными чувствами. С одной стороны, обрадовался, что не демон в нем поселился, а с другой – огорчился, что душа не исчезла. Все-таки непривычно это... мягко говоря.

К счастью для Штыкова, в целом психика реципиента была крепкой, так что сходить с ума он не спешил. Разве что еще более набожным стал. Но это, по его мнению, даже в плюс. Ну, хотя бы потому, что такие люди более управляемы. Надо только правильные слова подобрать с религиозными отсылками. А уж подбирать «правильные» слова нынешнее поколение умеет, если, конечно, хоть немного мозгов имеет, а не прокомпостированы всякими ЕГЭ.

Глава 2. Первые шаги

1

Выглядел Всеволод Юрьевич неважно. Смерть уже схватила его за горло, и даже слепому было ясно, что великому князю владимирскому осталось недолго коптить это небо, год-два. Но как бы плох он ни был, своим сыновьям пистон в одно место он вставил по первое число качественно. Досталось всем, Константину, как старшему, провалившему поход, заодно влетело Юрию, что умудрился подставиться под удар какого-то новгородского дружинника, ну а больше всего плюх отвесил младшему, из-за которого, собственно, и начался сыр бор.

Гнев великого князя был понятен. Его сын просидел в Новгороде меньше года, сменив своего старшего брата Константина, и его тут же пинком под зад спровадили, а все из-за его невоздержанности, прям половой гигант. Помимо репутационных потерь, были еще финансовые. Потерять из-за балбеса такой источник дохода было обидно.

– Ты опечалил меня, сын, навлек на наш род позор. Тебе что, дворовых девок было мало, боярышней для утех подавай!

– Но она сама...

– Молчать!

«Подставили сопляка грамотно», – вылез со своими комментариями Юрий Штыков.

«О чем ты?»

«О том самом. Не его похотливость, так еще на чем-нибудь бы подловили, долго ли умеючи, а торгаши не лыком шиты, как говорится, не обманешь – не продашь. Новгород все-таки республика, и князья там сбоку припека, все решает Вече, по крайней мере, формально, а на деле бояре. Князья со своими дружинами только за тем и нужны, чтобы выполняли функцию ЧОПа, в смысле – охраняли княжество от врагов внешних да татей ловили, за что и платили. Да, видно, посчитали, что дорого платят за свою безопасность вам, вот и подрядили кого подешевле, а Мстислав и рад».

«Ты думаешь, в этом все дело?» – усомнился Юрий Всеволодович.

«К бабке не ходи. В смысле, уверен. Обычная разводка».

«Но ведь дочь боярина действительно была Святославом опорочена. Пойдет ли на такое хоть один уважающий себя человек?»

«А кто тебе сказал, что боярышня была опорочена именно Святославом? Он ведь в тот момент, когда ее валял, наверняка бухой был, так что и не понял, целкой она была или уже того? Мало ли, может ее, к тому же, слабую на передок, какой ушлый дружинник спортил? Так ее этим еще и обелили, дескать, не абы кто, а княжич девственности лишил. Опять же, виру поимели с того не слабую...»

«Даже если и так, то чего уж теперь...» – вздохнул княжич.

«Ну да, тут уже ничем не поможешь. Но свою репутационную монеточку в копилочку с этой ситуации ты можешь получить, а то и не одну».

«Какая монетка? Что за копилка?» – начал раздражаться от замысловатой речи приبلудной души хозяин тела.

Все эти шутки-прибаутки, которыми постоянно сыпал Штыков, его доводили до белого каления.

«Не кипятись. Замолви словечко за непутевого братца. Отведи от него гром и молнии отцовского гнева. А то ведь залетит братец туда, куда Макар телят не гонял... в какой-нибудь Мухосранск, то бишь Тмутаракань... Глядишь, и вспомнит, когда придет время бодаться с Константином, кто именно за него заступился, и встанет на твою сторону. Должна же в нем

остаться хоть какая-то благодарность, если и дальше не станешь о нем забывать? Ну а нет, так нет... Да и отец лишней раз от твоей братской любви и заступничества умилится, тоже монетка в копилку, лишней по любому не будет. Так монетка к монетке...»

«Попробую...» – недовольно из-за меркантильности приبلудной души ответил тот.

– Отец, позволь слово молвить, – с покорным тоном произнес Юрий, когда Всеволод Юрьевич взял небольшую паузу, чтобы отдышаться перед очередным раундом излияний все новых порций ругани.

Братья глянули на Юрия как на самоубийцу. Как ни набожен Всеволод Юрьевич, а нравом в гневе все же крут. Впрочем, Святослав с надеждой.

– Что тебе?

– Не виноват Святослав в произошедшем...

– Что?! Как это не виноват?! Он сам признал, что...

– Боярышня та лишь предлог, отец. Уверен, что ее специально подложили брату, зная его юношескую жажду женских ласк... уверен даже, что она уже была не девой, просто по нетрезвому делу брат этого не понял... Подставили его, потому как новгородцы более не желали платить за свою охрану, как раньше, а уговор просто так расторгнуть не можно, вот и подложили ее и теперь кругом правы. Не боярышня, так еще что-то удумали бы...

– Хм-м... возможно, ты прав. Новгородцы те еще выжиги... могли они на такое пойти... могли, – великий князь владимирский быстро успокоился. – Но все равно, он должен был думать, кого под себя тащить!

– Молод он еще, отец, горяч. Я вот себя вспоминаю в его годы и отлично его понимаю и рад, что мне не довелось сидеть в эти года на столе, когда мысли совсем иным заняты...

– Правильно, тебя надо было на Новгород ставить...

Всеволод Юрьевич еще раз зло зыркнул на провинившегося сына, но стало ясно, что буря прошла стороной. Наказание, конечно, последует, все ж виноват Святослав, как ни посмотри, но оно будет не столь суровым, как могло бы быть.

«А действительно, чего это малолетнего Святослава в обход тебя поставили на княжение?» – удивился Штыков.

«В походе был, на Рязань с отцом ходил да дань собирал, не до того было. Константина тем временем срочно на Ростов сажали, вот и пришлось Святослава привлечь на замену», – ответил хозяин тела.

«Понятно. Думали, все отлажено, ничего уже не случится, а оно вон как все повернулось».

– Юрий... – с улыбкой обратился Всеволод Большое Гнездо к сыну. – Ты меня очень порадовал... Заступился за брата, не убоившись моего гнева. Надеюсь, вы и дальше будете держаться вместе. Ибо только вместе сила.

«Ну ты еще про веник вспомни, прутики поломай...» – хмыкнул Штыков.

Когда расчувствовавшийся великий князь смахивал выступившую старческую слезу, застывшую его взгляд, Константин бросил на Юрия быстрый полный злобы взгляд.

Впрочем, в отношении его истинного отношения к Юрию у Штыкова и раньше не было никаких сомнений, а вот то, что этот злобный взгляд увидел Юрий Всеволодович, было полезно, окончательно открыв ему глаза. Все-таки хозяин тела до последнего не хотел верить, что старший брат подставил его в битве с новгородцами. Ведь это брат!

«Ну вот, теперь ты однозначно самый любимый сын отца, – хохотнул Штыков. – Чего и требовалось добиться. Осталось только поддержать это реноме последующими деяниями».

«Помолчи уж...» – угрюмо отозвался хозяин тела.

Ему, как и нормальному человеку, не хотелось вступить в братоубийственную войну, сечься с ним в битвах, а драка не на жизнь, а на смерть, если верить приبلудной душе, однозначно будет, что и подтверждал взгляд старшего брата.

Но ведь и отойти в сторону нельзя, особенно в свете тех знаний, что он получил от приبلудной души. Это будет потерей драгоценного времени, что можно потратить на подготовку. Так что теперь он, наоборот, должен быть настойчивым в стяжении силы.

«А может, рассказать?..» – подумалось Юрию Всеволодовичу.

«И что ты ему скажешь?»

«Все, о чем ты мне поведал о монголах».

«А он тебе поверит? Вот ты бы поверил, если бы тот же Святослав подошел к тебе и сказал, что, дескать, ты должен отдать мне свои вотчины, ибо грядет страшная беда, и только я знаю и могу ее предотвратить...»

«Н-нет», – вынужден был после короткой паузы княжич.

«Вот и я о чем. И потом, как ты объяснишь свои знания? Вещий сон? Пришествие ангела или святого с откровением? Так что делай, что должно, и будь, что будет».

2

«Пора обналичивать репутационный капитал, как в прямом, так и в переносном смысле, и при этом зарабатывать новый», – в один из дней сказал Юрий Штыков.

Константин только что отъехал обратно к себе в Ростов, а Святослава великий князь спровадил нести службу в одной из порубежных крепостиц на границу с мордвой.

«О чем ты? Неужели нельзя говорить понятными словами?» – взмолился княжич.

«Понятными так понятными. Нужно начать готовиться ко всем будущим жизненным перипетиям уже сегодня. Тут как в посевной, день год кормит. Так что затягивать не стоит».

«А если еще проще?»

«Один человек сказал: кадры решают все. Вот нам и надо готовить кадры».

«Если бы я только мог, я бы приказал всыпать тебе плетей...» – мечтательно-сожалеюще мысленно сказал княжич.

«Хм-м... Можешь приказать отходить себя, но перед экзекуцией попробовать передать управление телом мне, – предложил Штыков. – Но, боюсь, тебя очень неправильно поймут».

«Да уж... – согласился княжич, невольно представив, как это выглядело бы со стороны и что бы о нем подумали. – Тут же в монастырь запрут как помешанного...»

Что до передачи управления телом, то тут ничего не получалось. Все эксперименты оказались провальными. Но Штыков пока не отчаивался, ведь двигался же он сразу после вселения...

Зачем вообще контроль над телом?

Ну мало ли?..

«Так что ты там про какие-то кадры говорил? И что это вообще такое? Да и про капитал я ничего не понял...»

«Тут все просто. Пока отец тебе благоволит так, что дальше некуда, надо испросить у него разрешение поставить небольшую крепостицу где-нибудь неподалеку».

«Зачем?»

«Будем там формировать экономическую базу будущего могущества».

«Не понял».

«Деньги ковать будем. В смысле зарабатывать. Железо выделывать, еще там по мелочи. Часть на свои нужды тратить, а остальное продавать, чтобы покупать то, что сами произвести в достаточном количестве не сможем».

«Воину не пристало заниматься торговлей или ремеслом! – вспылил княжич. – Воин кормится с меча!»

«Как все грустно... – нарочито тяжело вздохнул Штыков, при этом лихорадочно соображая, как бы ответить, чтобы убедить реципиента в своей правоте. – Так я разве ж спорю?»

«Ты предлагаешь мне...»

«А кто ты, собственно, такой, если подумать?»

«Как кто?! – окончательно взъярился Юрий Всеволодович. – Я сын великого князя...»

«Вот именно. Ты сын великого князя и сам будущий великий князь. Не простой воин, живущий с меча, а князь! Владетель земли, поставленный Богом ее оберегать от врагов внешних и внутренних и передать ее своим детям в лучшем виде, чем получил. Чувствуешь разницу? И согласишься, что это правило – житие с меча – присуще больше грабителям, что приходят в чужие земли и берут что могут. Так поступают варяги. Так поступал твой предок Рюрик... Но теперь-то ты не пришлый варяг, ты князь этой земли, плоть от плоти ее. Так что это правило несколько устарело и не актуально... как думаешь? Опять же, вон половцы тоже живут с меча, то и дело захаживая в земли русские и беря полон, уважаешь ты их за это?»

Хозяин тела молчал, осмысливая сказанное, взглянув на привычные вещи под другим углом. Как-то сравнение его с разбойником-половцем княжича выбило из колеи. И ведь действительно, чем он в таком случае отличается от половца? Вот только они приходят на чужую землю, а князя, по сути, обирают свою...

А Штыков давливал:

«И как князь ты должен подходить к оценке вещей с иной точки зрения, чем простой воин. К тому же я не призываю тебя самолично заниматься кузнечным делом или еще чем-то таким, не говоря уже о том, чтобы лично торговать за прилавком. Мы должны это организовать. Потом поставишь управляющего и будешь только его проверять...»

«Ну, если так...» – неуверенно выдавил из себя княжич.

Штыков, что называется, перевел дух. Гроза миновала.

«Ну так что, готов выслушать мои предложения?» – спросил он.

«Говори».

«Итак, нам нужно обособленное место, на реке, недалеко от города, но все же уединенное, куда будет закрыт доступ для посторонних. В идеале, чтобы люди, жившие там, по крайней мере, на первых порах не имели сношений с внешним миром».

«Почему?»

«Чтобы не разболтали о том, что там будет твориться. Секреты дорого стоят, и, чтобы иметь преимущество, их нужно сохранить. Тем более, что знаю я, к сожалению, не сильно много, так что не хотелось по глупости растерять и эти крохи».

«Понятно...»

Понятие цеховой тайны Юрию Всеволодовичу было известно, так что возражать тут нечему.

«А что ты хочешь там организовать?»

«Перво-наперво выделку железа и стали в больших количествах и с минимальными затратами как по труду, так и по материалам, что снизит цену продукта раз в десять. Общее представление я имею, останется только немного поэкспериментировать и довести технологию до ума».

«Да, добрая сталь всегда в цене, – согласился княжич. – А еще?»

«Попробуем сделать стекло, как цветное, так и хрусталь, ну и прозрачное тоже надо попытаться».

«Дорогой товар».

«И полезный...»

Юрий Штыков собирался попробовать устроить теплицы. Как он успел выяснить из бесед с реципиентом, климат в эти годы был, мягко говоря, поганым, и, особенно здесь, на севере, постоянно случался неурожай. Да и в центре русских земель было не многим лучше.

Что странно, ведь до малого ледникового периода, о котором не слышал только глухой, оставалось еще лет сто, а то и больше. Может, Солнце чудило, а может, где-то шла сильная

вулканическая активность, из-за чего поступало мало света, или еще какая ерунда, но, как бы там ни было, зимы были суровы, а лета холодными и дождливыми, чего только стоят ледяные дожди и град, выпадавшие то тут, то там, урожай зачастую сгнивал на корню.

Так вот, если построить теплицы, много теплиц, да еще оснастить их подогревом (пуская дым по керамическим трубам, как закопанным в землю, так и воздушным), то можно было получить гарантированный богатый урожай.

Останется только определиться с тем, что, собственно, выращивать, чтобы и росло быстро, много и сытно. В общем, требовался аналог картошки в калорийном плане. Увы, но самой картошки европейцы еще долго не попробуют.

Одного боялся Юрий Штыков, что когда о теплицах прознают, а прознают обязательно, то лихие люди могут собраться в банду, те же новгородские ушкуйники – саранча египетская, напасть и разворовать, стекло – товар и впрямь не дешевый, даже если поганого качества. Но тут уже дружина пусть клювом не щелкает.

«Осталось только придумать, как уговорить твоего отца дать разрешение на строительство и как-то залегендировать, то есть придумать причину», – задумчиво протянул Штыков.

Княжич тоже взгрустнул. Вот так сходу придумать причину необходимости строительства крепости неподалеку от города было сложно. А если сказать правду, то опала неминуема.

Этого динозавра, в котором крепко сидит варяжский дух, убедить поменять свои взгляды на жизнь можно было даже не пытаться. Бесполезно. Если уж сам княжич до сих пор не мог до конца принять эту идею.

Вот так и оторвались князья от народа. Хотя, если на то пошло, они никогда и не были его частью, ибо пришлые, по крайней мере Рюриковичи – точно.

«Разве что все это под эгидой церкви провести?! – осенила Штыкова идея. – Должно сработать. Просто обязано. Тут и праведность христианская, что добавит еще несколько монеток в копилку, тут и ощущение великого князя себя виноватым и обязанным...»

«Что за идея?»

«Слушай...»

3

Всеволод Юрьевич прикрыл слезящиеся глаза. Старость не радость, одолевали малые и большие болячки, присущие старикам, бурно проведшим молодость. Он даже жалел, что дожил до столь преклонных лет (не в чести это у варягов), а не погиб в какой-нибудь сече с мечом в руке, и, похоже, придется умереть в своей постели старым и немощным...

Но нельзя никак помирать, требуется протянуть как можно дольше. Ибо тревожно было на душе. Все же его сыновья еще слишком молоды для самостоятельного правления, кровь горячая, и по горячности могут наворотить дел. Надо им остыть, набраться опыта, авторитета.

Чего только в этом плане стоит Святослав. Так опростоволоситься, новгородский позор ему долго не забудут...

Но новгородцы еще заплатят за свое торгашеское бесчестие, никуда не денутся, дай только срок.

Великий князь недовольно поморщился, вспоминая о своем пятом сыне, что успел покняжить. Вот уж начудил.

Самый младший Иван и Владимир – четвертый сын – себя как-то не проявили, ни хорошо, ни плохо. Что называется, ни рыба ни мясо. В спокойной обстановке были бы нормальными правителями, но покой нам только снится, все друг друга то и дело пробуют на прочность, и стоит только чуть проявить слабость, как тут же накинута со всех сторон волчьей сворой, дабы разорвать на части.

Ярослав больно уж драчливый и простоватый. Обвести его вокруг пальца, выведя его из себя, не составит труда. Собственно, из-за того и погнали его из Рязани, так что пришлось ее спалить в прошлом году, пойдя карательным походом...

Насчет старшего сына Константина Всеволод не обманывался. Понимал, что тот только того и ждет, когда отец отдаст Богу душу, и занять Владимирский стол. Очень уж властолюбив и жаден. Давать такому власть душа не лежала. Начнет стяжать земли и просто зарвется, в конечном итоге потеряв все.

А вот к кому лежала, так это к Юрию. Разумен, спокоен, набожен, вот и за непутевого брата заступился... Лучшая кандидатура в наследники, в чем великий князь убеждался все больше и больше. Но, увы, не по праву и обычаю так поступить будет. Нанесет обиду Константину, а там, после его смерти, и замятня начнется. Не дело это, когда братья дерутся... а это, к сожалению, обычное дело на Руси.

«Ох и подгадил Руси Мономах со своим лествичным правом, – подумал Всеволод Юрьевич. – Но ведь хотел, как лучше, по справедливости владение разделить, никого из сыновей не обидев, да только все равно смертельными врагами их сделал...»

В малую залу осторожно вошел один из дежурных дружинников.

– Княже...

Всеволод открыл глаза.

– Не сплю я... Что там?

– Княжич Юрий до тебя просится.

– Пускай.

Юрий не заставил себя долго ждать и тут же вошел в помещение.

– Отец...

– Что у тебя, сын? – с улыбкой спросил великий князь.

– Просьба у меня к тебе есть.

– Какая? – нахмурился Всеволод Юрьевич.

Уж не ошибся ли он в сыне? Вот уже и просьбы пошли...

– Прошу я твоего дозволения основать крепость недалеко от Владимира...

– Зачем?! Какая в ней надобность?

– Получив по голове и чуть не став увечным, я ясно осознал, что люди, служившие тебе и княжеству верой и правдой, но получившие тяжкую рану, от которой не смогли оправиться, зачастую влачат жалкое существование, отец. Думается мне поселить их в одном месте и дать им освоить ремесло, чтобы они трудом зарабатывали хлеб насущный, а не сидели на шее своих родственников, объедая их или, того хуже, – побирались. Ведь получается, мы выбросили их как сломанную вещь, а они не вещи – люди.

Увы, ситуация с увечными дружинниками действительно была аховой. Такого понятия, как пенсия, не существовало, и князь, дав энную сумму раненому витязю в качестве выходного пособия, по сути, вышвыривал его на улицу. Многие бедствовали. Хорошо если родственники как-то пристроят...

– Хм-м... Верно ты сказал, – кивнул великий князь и даже смутился, осознав, что сам особо о дальнейшей судьбе увечных не задумывался, что называется, с глаз долой – из сердца вон. – Ты истинный христианин, сын, с доброй душой. Хорошее и правильное дело ты задумал. Но согласятся ли они? Воины все же бывшие, урон чести, чтобы в земле копать или еще что-то неподобающее делать?

– А по чести ли на шее родных сидеть да на паперти милостыню просить? По крайней мере, мы дадим каждому возможность, и никто не скажет, что мы выбросили увечного на произвол судьбы, словно пук травы, коим подтерлись в отхожем месте...

– Разрешаю.

– Благодарю отец.

«Надо же, не ожидал, что так легко прокатит», – признался Юрий Штыков.

«Я тоже», – согласился хозяин тела.

«Кстати, как по финансам? Хватит у тебя средств на строительство? А то напланировали много, и денег потребуется немало».

«Не знаю, но должно хватить...»

С финансами у княжича было не то чтобы очень хорошо, но определенная заначка имелась. Тут и доля в трофеях в виде доспехов и оружия, меха, серебро, украшения. Должно было хватить, если не на все, то на основное.

4

Согласие стать по сути простыми чернорабочими бывшие витязи действительно могли не дать, о чем еще на стадии объяснения своей идеи Штыковым заметил Юрий Всеволодович.

«А нам и не надо, чтобы они становились простыми рабочими, и звать их к себе будем не в этом качестве, это лишь для отвода глаз».

«А в качестве кого?»

«Наставников, охранников и контролеров, – ответил Штыков. – Хромой или вовсе нет ноги? Ну и что? Руки целы, значит, можешь учить других рубиться мечом или стать стражником в башне, вооружившись самострелом. Нет руки, причем рабочей? Что мешает ему стать разведчиком или посыльным? Или вести контроль проделанных работ, являясь твоими глазами и ушами».

«А кого мы будем учить?»

«Те самые будущие кадры. Нам лет через пять потребуется полноценная, хорошо оснащенная и обученная армия. В идеале легион в несколько тысяч человек. Не вольные дружинники, что если им вдруг что-то не понравится, то они смогут просто взять и уйти к другому князю, а преданные тебе душой и телом дисциплинированные бойцы, которых ты спас, вытащив из грязи. Не все они станут воинами, кто-то станет работником в колхозе, горшечником, кузнецом, стекольщиком, еще кем-то, но на то и расчет, нам нужны все и много».

«И где же мы возьмем столько людей?»

С людьми и впрямь была напряженка, особенно на севере. Потому главная добыча в походах этого времени – не какие-то материальные ценности, хотя и они тоже желательны, а полон, то есть крестьяне, которых можно посадить на своей земле.

«Где только можно, там и возьмем. Сначала начнем со всяких сирот и прочих беспризорников, ошивающихся по городам, что, вырастая, пополняют собой разные банды душегубов, сделаем тем самым сразу два добрых дела, и армию себе наберем, и уровень преступности понизим».

А сирот и беспризорников на улицах городов хватало. Причин тому великое множество: голод, мор, нападение татей, ушкуйников и кочевников. У детей лет десяти в последнем случае было больше шансов сбежать и скрыться в лесу, чем у совсем маленьких или уже взрослых. Да и не охотился за такой резвой мелочью никто целенаправленно. А возвращаться сбежавшим зачастую было некуда, дома нападавшие жгли, вот и подавались в города, пополняя собой шайки сначала мелких воришек да попрошаек, а потом и душегубов на большой дороге.

«А потом по бедным крестьянским семьям пройдемся. Думаю, многие захотят избавиться от лишних ртов, да не просто так, а передав их на службу князю, почетно даже».

«Не лучше ли сразу взять уже взрослых вольных людей, чем таких вот уже вкусивших лихой жизни да смердов?»

«Можно, но как по мне, это все же не то. Во-первых, вольные люди, уж извини, статью не вышли. Дохловат народ нынче из-за недоедания, невысок и тощ. Воины из них плохие выйдут, ни силы, ни выносливости».

«А из сирот и беспризорников – хорошие?» – усомнился княжич.

«Дети еще не сформировались, в отличие от взрослых, если их усиленно откармливать и интенсивно тренировать, то да, хорошие. И мы их, если все получится, откормим, так что настоящими витязями станут!»

«Ну, если так...»

«Опять же, нам не стоит привлекать к себе лишнее внимание набором армии, а принятие взрослых на службу именно так все и воспримут и, конечно же, не слабо напрягутся, испугаются, а испугавшись, начнут заключать против тебя союзы, что совсем не нужно, ведь эту набранную толпу взрослых еще нужно обучить, что мы сделать быстро не успеем, в итоге они станут лишь смазкой для меча».

«Но ты же...»

«А кто сказал, что, принимая всяких обездоленных, мы создадим из них армию? Нет. Мы будем распространять слухи, что делаем это лишь из христианского милосердия к сирым и убогим. Для чего надо создать для тебя образ если не князя-монаха, то что-то близко к этому. Дескать, получив по голове, ты духовно прозрел... А в идеале все проверить под эгидой церкви. Как я понял, у тебя с епископом Иоанном все вась-вась?»

Епископ Иоанн действительно имел большое влияние на Юрия Всеволодовича, коего он крестил и совершил обряд рыцарского пострига, может, потому княжич и был самым набожным среди всех сыновей великого князя.

Об этом все прекрасно знали, и не воспользоваться таким имиджевым потенциалом было бы грешно.

Юрий пошел к Иоанну и поговорил с ним на ту же тему, что и с отцом.

Желание княжича позаботиться о забытых всеми увечных воинах, а также сирых умилили престарелого епископа. В этом намеренье княжича он увидел результат своего духовного воспитания.

– Достойное деяние задумал ты, сын мой, сердце радуется, глядя на тебя, и я тебе всемерно помогу в этом богоугодном деле, – перекрестив Юрия Всеволодовича, ответил епископ.

Заручившись поддержкой отцов, одного родного, а другого – духовного, Юрий Всеволодович, взяв проводников, отлично знавших местность, поехал искать место под крепость.

– В идеале мне нужен полуостров, образованный речной петлей, – пояснял он свои хотелки проводникам из местных охотников. – Совсем хорошо, если при этом берег будет высоким и обрывистым, чтобы не подтапливало при разливах.

– Есть такие места...

Проводники показали несколько таких полуостровов, и Юрий Штыков предложил взять себе тот, что был по площади примерно с квадратный километр, а ширина перешейка составляла метров двести. Перегородить ее стеной не составит труда, как и остальной периметр обнести высоким частоколом с башенками. Для начала трети площади хватит.

Что особенно порадовало залетную душу, так это то, что треть полуострова занимал высокий холм, а его при дефиците материальных средств можно было использовать для строительства тех же доменных печей, просто вырыв в холме необходимые объемы, выложив стенки кирпичом.

Да, такие эрзац-печи недолговечны, по сути одноразовые, но сделать их просто и быстро, все экономия. Особенно учитывая, что опыта нет, и делать сразу капитальные печи накладно. Что-то подсказывало, что придется все переделывать, не раз и не два.

Но промышленность будет создаваться с северной стороны холма, а южную можно использовать под сельское хозяйство, построив те самые теплицы, если до них вообще дойдет дело. Остается место и для тренировочных площадок...

Наняли лесорубов, и они начали сводить лес, сразу же готовя его к использованию в качестве строительного материала. Да лес сырой, хоть и срублен по холоду до начала сокодви-

жения, но лет пять постройки постоят, а больше и не надо. Потом все из кирпича или камня замену поставят.

А когда с рек сошел лед и пошли торговые ладьи, вместе с торговцами отправились в путь по городам Руси увечные дружинники-вербовщики под видом монахов, зазывать во Владимирское княжество сирот и просто беспризорников.

– Просто ловите первого попавшегося оборванца на рынке и рассказывайте о том, что во Владимирском княжестве всем сирым предлагается защита и помощь от лица княжича Юрия Всеволодовича, что по воле Господа проникся их бедами, – инструктировал он своих агентов. – Приглашаете всех желающих к храму, где поклянетесь перед Богом в истинности сказанного. Потом отпускаете. Этот оборванец обо всем расскажет своим, и скоро все будут в курсе.

Признаться, Юрий Штыков сам слабо верил в то, что данная миссия по набору «кадетов», как он мысленно их называл, окончится благополучно. Ну сами подумайте, приходит такой монах боевитого вида в город и предлагает куда-то поехать, дескать, там княжич один, сам почти монах, им даст приют. Да, надо будет работать, но и голодным не останешься, опять же ремеслам научат.

Поверили бы? Сам Юрий на месте беспризорника послал такого добродетеля куда подальше исключительно в матерных выражениях, заподозрив его во всех смертных грехах от принесения человеческих жертв старым богам и людоедства до педофилии-содомии, и дал бы деру со всех ног. Ну а как же, сейчас ведь всякие людоловы озоруют. А ну как это новый метод людей в рабство заманивать?

Но нет. Верили. Хотя если бы не помощь епископа Иоанна, давшего вербовщикам необходимые грамоты с просьбой к священникам в разных городах о содействии подателям сего в сем богоугодном деле, то, наверное, и впрямь ничего бы путного не вышло. А так вербовщики клялись на библии перед храмом в присутствии местных священников, что все сказанное правда, и никто их неволить не собирается. Священникам верили.

Священники же местные шли навстречу и заверяли клятвы. Им эти беспризорники в городах тоже были не нужны, так что сплавить их этому странному княжичу и в свою очередь не тратиться на сирот было наилучшим выходом. Преступность мелкая опять же снижается. Со всех сторон хорошо.

Глава 3. Борьба в труде и на войне

1

От классического частокола, коим в основном сейчас огораживали любые поселения, Штыков уговорил Юрия Всеволодовича отказаться. Очень уж, на его взгляд, ненадежно выглядело такое оборонительное сооружение, да и вкапывать его в мерзлую землю не менее чем на два метра было той еще морокой, а затягивать, дожидаясь, пока потеплеет, не стоило.

Можно, конечно, разводить костры и прогревать землю, но это тоже канитель немалая (учитывая, что процесс придется проводить минимум дважды), которая к тому же не сильно-то и ускоряет процесс. Опять же, учитывая местный копательный инструмент, сиречь деревянные лопаты.

Пошли по другой технологии. А именно срубовой. То есть делался небольшой квадратный сруб три на четыре метра, выполнявший функцию замка, и между этими срубами клались уже бревна. Между этими большими «замками» ставились малые два на два метра. Кроме того, эти срубы выполняли роль лестницы, сужаясь с внутренней стороны кверху. Да работы прибавилось, от земляных работ все равно отвертеться не удалось, срубы следовало заглубить на пару венцов, и землю пришлось прогревать.

Но в этом случае было все же полегче, не два метра копать, а метр, и не по всему периметру, а лишь локальные участки. Для ускорения земляных работ княжич по настоянию Штыкова расщедрился на некоторое количество копеечных наконечников, кои приделали к деревянным киркам, что весьма облегчило земляные работы.

В общем, получалась настоящая крепость, выглядевшая весьма надежно.

Потом началось строительство казарм. Для экономии времени и материалов, ну и, естественно, стоимости, их пристраивали к стене. В итоге крыша становилась отличной площадкой для защитников.

Деревянное строительство стоило не сильно дорого, по крайней мере, по сравнению со следующим этапом. Требовалось налаживать кирпичное производство, так как кирпичей, несмотря на всевозможные меры экономии, такие как встраивание домны в тело холма, все равно требовалось просто прорва (не говоря уже о необходимости отопительных печей в казармах). Домну ведь после каждого сеанса выплавки придется перекладывать. Но тут уж ничего не поделаешь. Опыта по изготовлению огнеупорных кирпичей ни у кого нет, его знания обрывочны, так что до всего придется доходить методом проб и ошибок, тупо перебирая рецептуры состава кирпичей, и искать подходящую глину.

Шились большие меха, даже несколько, как для поддува непосредственно в домну для поднятия температуры горения, так и для печей, в которых будет переплавляться чугун в тиглях для получения стали.

Также делалось большое колесо, с помощью которого эти меха должны были качаться. Тут тоже следовало вложиться главным образом в подшипники иначе это колесо едва будет шевелиться, не говоря уже о малых сроках службы.

Правда, в движение это колесо должно было приводиться не течением реки, оно не так чтобы уж и сильное тут, опять же, следовало учитывать зимние месяцы, когда реку сковывает лед, а мускульной силой. То есть несколько человек заходят внутрь колеса и идут там. По сути это было огромное так называемое беличье колесо.

Но самые большие траты пошли на закупку первой партии руды и топлива. И требовалось всего как можно больше. Руда, естественно, шла болотная, другой просто не было. А топливо – древесный уголь. Хотя Юрий послал разведчиков искать горючий камень, а есть он во

Владимирском княжестве или нет, этого Штыков не знал, но даже если и нет, то лесов полно, и если вести правильную вырубку, то экология не пострадает.

Выходило действительно дорого, так как руду на первоначальном этапе приходилось покупать на стороне, а не добывать самостоятельно. А когда покупаешь что-то в большом объеме, то растет и цена... рынок-с.

На все хотелки Юриев людей на данный момент катастрофически не хватало. Вот позже, когда подтянутся первые завербованные босяки, можно будет развить собственную добычу. Благо болот в княжестве с избытком, и руды там еще хватает. Качество оной, конечно, паршивое, но при доменной выплавке это уже не имеет большого значения, все не молотом неделями махать, выбивая «дурь».

2

Строительные и производственные дела откровенно угнетали Юрия Всеволодовича, не княжеское это дело, и когда его в начале весны призвал отец, то обрадовался и помчался во Владимир, что называется, впереди собственного радостного визга. Ведь просто так он не призывает, зная, каким тот важным и богоугодным делом занимается, значит, что-то серьезное случилось. А то и вовсе поход! Что поделывать, дитя своего времени.

Юрия Штыкова же, наоборот, этот вызов сильно огорчил. Ведь только-только все закрутилось, тут за всем нужен неусыпный контроль, ведь глазом моргнуть не успеешь, напортачат. Ведь начали класть первую домну! Это же просто невероятно ответственное дело! А если уж он сам слабо представляет, как она должна выглядеть, но все же хоть как-то представляет, то для местных это вообще непонятно что, какие бы ты чертежи им ни показывал, какие бы модельки ни делал из глины и не объяснял суть процесса.

Но, увы, послушаться великого князя было невозможно, если, конечно, не хочешь попасть в опалу, так что пришлось все бросить и ехать.

– Отец...

– Здравствуй, сын. Рад, что ты так быстро явился на мой зов...

«Ну да, гнал как на пожар», – буркнул Штыков.

– Что случилось?

– Михаил Всеволодович Пронский с Изяславом Владимировичем объявились, песьи дети...

«Кто такие и чего на них так твой отец взъялся?» – поинтересовался Штыков.

«Они вместе с Ингварем и Юрием Игоревичами организовали заговор против брата Ярослава, что отец в качестве своего наместника на Рязань посадил, хотели скинуть его и сами править. Но Ярослав об этом узнал и позвал отца. В прошлом году отец ходил на них походом, но те успели сбежать, а Ингварь с Юрием отцом были полонены и у нас в заточении сидят. Рязань сгорела...»

– Так они, сучьи выкормыши, воспользовавшись, что наши основные войска сейчас на границе с мордвой да Новгородом стоят, половцев призвали и сейчас под Москвой разорчинят! Я хочу, чтобы ты сходил и прогнал их.

– Один? – не веря своему счастью, поинтересовался княжич.

– Да. Один.

– Я не подведу!

«Мне бы шашку да коня, да на линию огня...» – отреагировав на прямо-таки щенячью радость реципиента, проворчал Штыков.

Не понимал он этого.

Но тот его словно не слышал.

В принципе, понять Юрия Всеволодовича было можно. До сих пор он ходил в походы либо вместе с отцом, либо под рукой старшего брата Константина, а сейчас станет единоличным командующим. Это же великая честь и слава... в случае победы. Что называется, мечты сбываются.

Задержки с выходом не возникло, день сборов – и вперед. Дружина – это ведь все равно, что войска постоянной боевой готовности. Да и подготовились они к приезду княжича.

Великий князь не пожадничал и выделил своему сыну аж десять сотен. Плюс охотники, в основном, лучники, в итоге как раз тысяча человек набралась, даже чуть больше.

«Не маловато?» – обеспокоился Штыков.

Выглядела эта тысяча как-то не сильно внушительно. В том же походе на Торжок было под пять тысяч человек. Правда, не все воины, чуть ли не половина обозные, но все равно.

«Хватит!» – уверенно отмахнулся хозяин тела.

«А врагов сколько?» – не унимался вселенец.

Воображение рисовало ему половецкую орду в тысяч десять сабель.

«Да кто ж знает? Может, тысяча, а может, и две... Плюс у князей этих опоганившихся сотни две-три наберется. Не беспокойся. Половцы худые воины. Тати они и есть тати».

На это Штыков промолчал. Да и о чем, собственно, говорить? В конце концов, хроно-аборигену лучше знать, что и как. Опять же, в прошлой исторической последовательности он наверняка тоже участвовал в этом походе, и ничего, жив остался. Глядишь, и в этот раз все благополучно обойдется...

3

До Москвы добрались за четыре дня. Быстро, учитывая состояние дорог, то бишь направлений. Грязища. Был бы с собой обоз, то и неделю бы телепались, но княжья дружина, отказавшись от лишних удобств, передвигалась одвуконь, на втором коне везя часть вооружения и продовольствие.

Остальные припасы должны были прибыть на ладьях, как только река окончательно очистится ото льда. Недолго осталось.

Погуляли в округе половцы знатно. Все разграблено и пожжено. Проезжать мимо таких пепелищ было тягостно. Люди и так живут тяжело, а тут еще разбойники всякие...

Юрий Штыков ощутил растущую ненависть, даже не столько на половцев, это понятно, враг он и есть враг, природа у него такая поганая, как у сорняка, а потому выпалывать их надо без всякой пощады, а на князюшек, что этих кочевников немых наняли и сами привели на землю русскую.

И ведь это обычное дело в данный период времени. Кто половцев приводит, кто варягов, кто поляков, а страдает от этого местное население, простые сельяне-пахари, коими зачастую и расплачиваются за оказанные услуги.

Москву кочевники штурмовать даже не пытались. Оно им надо? Стены высокие, пока на них взберешься, потерь не оберешься. А они пришли сюда не с жизнями расставаться, а добром обрастать да полон брать.

«И где этих сволочей поганых искать?» – проворчал Штыков.

«Найти не проблема, их принудить к бою сложно», – ответил на это княжич.

И правда, где в данный момент куролесят половцы, местные примерно представляли, за ними плотно следили разведчики-лесовики, а вот что касается боя, то с этим действительно оказалось непросто. Не хотели половцы принимать бой, несмотря на почти двукратный численный перевес. В бою ведь и помереть можно...

Это для Юрия Штыкова оказалось неожиданностью. Он ожидал, что враг сам выйдет на бой, да хотя бы чтобы защитить свои трофеи, но нет, кочевники всячески от него уклонялись, мотаясь по окрестностям.

Княжеская дружина следовала за врагом в попытке подловить его и навязать генеральное сражение.

Впрочем, такое поведение кочевников для местных было ожидаемо, и они за эти столетия взаимодействия со степняками получили соответствующий опыт по загону противника в ситуацию, когда ему не оставалось ничего другого, как все-таки выйти на бой, хотя чаще половцы все же просто сбегали обратно в свои степи.

В этот раз чисто им уйти не удалось. Спустя неделю, после выматывающих скачек, владимирская дружина загнала половцев в мешок, образованный рекой Москвой и одним из ее притоков у Мещерской низины. Леса, болота.

«Вот и все», – с усталым удовлетворением заметил Юрий Всеволодович.

Половцы за эту неделю растеряли большую часть своих трофеев, а главное – набранный полон. Его пытались вывести отдельно две сотни всадников, но об этой уловке русские знали, а потому смогли отсечь кочевников от путей отхода.

Половцы столпились кучей, похоже, в принципе не имея понятия о порядке.

Впрочем, у русских было не сильно лучше, но какое-то деление на сотни имелось.

Только сейчас Юрий Штыков осознал, что всякие умные тактические ходы и прочие уловки в данных условиях просто бессмысленны.

Ну как тут провести ту же косую атаку? Слишком уж подвижна конная масса и не обеспечивает необходимой плотности и стойкости. А в этом тактическом приеме нужна именно стойкость, что обеспечивает лишь пехота.

Так что местным конным армиям не остается ничего другого, как тупо ломануться друг на друга и рубиться со всей дури до тех пор, пока одна из сторон не дрогнет и не побежит. Как правило, бегут половцы. Это ведь в большинстве своем простые пастухи.

Половцы с ревом ринулись вперед на прорыв, на ходу ведя обстрел из луков. Туча стрел обрушилась на княжескую дружину, но без особого вреда. Все дружинники были превосходно упакованы, в основном в кольчуги, усиленные металлическими пластинами, но были и чешуйчатые доспехи.

Кроме того, они закрылись каплевидными щитами, скорее прикрывая даже не столько себя, сколько лошадиную голову. Круп защищен войлочной попоной с кожаными нашивками, которую слабая степная стрела на излете уже не прибавляет.

В общем, все умные речи Штыкова о том, что командир должен остаться в тылу и руководить боем, оказались... пустыми. Нечем тут руководить. Не тот уровень противостояния, все предельно ясно и понятно.

Стрелы дождем обрушились на владимирских дружинников. Пара стрел впиалась в щит княжича. Одна стрела ударила в лошадиный круп, из-за чего коняшка дернулась, но всадник ее быстро укротил.

– Вперед! – взмахнув мечом, заорал Юрий Всеволодович и, дав шенкеля коню, сам ринулся в первых рядах. – Ура!!!

Две конные массы пошли навстречу друг другу, набирая скорость.

Русские дружинники опустили копья. А половцы продолжали вести обстрел из луков. Кого-то они все же ранили и даже убивали, но это, скорее, была случайность.

Дали залп охотники, и кто-то из дружинников пускал стрелы из настоящих боевых луков, что оказалось куда как результативнее, но стрелков было мало, и сделали они всего по паре выстрелов...

«Да чтоб тебя!» – взвыл Штыков, с ужасом наблюдая, как приближается стена визжащих, с перекошенными лицами половцев, оставивших на последнем отрезке сближения свои луки и

выхватывавших сабли, кто-то схватился за короткие копыя с бунчуками из лошадиных и волчьих хвостов.

Он бы и хотел зажмуриться в момент сшибки, но не мог, а потому видел от первого до последнего момента ход сражения, точнее, обычной свалки.

Воспринимать все происходящее, как фильм в 3-D формате, пополам с компьютерной стратегией, стало сложно...

Две конные массы просочились сквозь друг друга.

Послышался треск, мат, предсмертные хрипы и крики, ржание лошадей...

Дружинники насаживали врагов на свои копыя, одновременно прикрываясь щитами от сабельных ударов или аналогичных копейных ударов, после чего выпускали их из рук и хватались за мечи. Пошла жестокая сеча.

Реципиент с исступлением махал мечом, круша половцев, не имевших сколько-нибудь хорошей брони. Кольчуги были редкостью, больше кожа, да халаты с подбоем из конского волоса и войлока, хорошо держащих режущий удар. Щиты в основном плетеные из ивовых прутьев и обтянуты кожей. Но ни кольчуга, ни кожа с халатами не спасали от сильных ударов тяжелого меча.

Как заметил Штыков, мечи в данном случае выполняли не столько режуще-рубящую функцию, сколько ударно-дробящую. Может, потому изрядная часть дружинников предпочитала орудовать именно булавами, различными чеканами да боевыми топорами, последние как раз хорошо рубили, и легкие половецкие щиты от таких ударов уже не спасали.

Боевой уровень у кочевников оказался крайне низким, по крайней мере, дружинники валили их если и не играючи, то вполне уверенно. Все-таки это профессиональные воины зачастую даже не в первом поколении, для которых война – смысл жизни, а потому они все крепкие откормленные мужи, не стероидные качки, конечно, но спутать витязя с пахарем невозможно, бойцы как минимум на голову выше простого селянина. Кочевники же в большинстве своем мелкие, да еще кривоногие коротышки, берущие не столько силой, сколько проворством. Но на коне сильно не покрутишься...

Образовалось месиво, в котором ничего не разобрать. Княжич с упоением дрался в самой гуще в окружении телохранителей, потому изрядная часть половцев, не задействованная в схватке, смогла выскользнуть и задать стрелача, бросая тех, кто увяз в противостоянии.

Когда дорубили брошенных на произвол судьбы и бросились в погоню, то было уже поздно, половцы скрылись в мешерских лесах.

Потери дружинников после случившегося замеса оказались, к удивлению Штыкова, весьма умеренными. Он ожидал, что чуть ли не половина воинов так или иначе выйдет из строя убитыми и пораненными, но нет, в числе убитых оказалось всего пятьдесят три человека из тысячи! Еще полторы сотни – с ранениями тяжелой и средней степени тяжести. Легких раненых, собственно, почти не было – броня уберегла, дружинники на своей защите не сэкономили, а потому упаковывались плотно.

Половцы потеряли значительно больше. Срубили под пять сотен, это только убитыми. Еще сотня тяжелых, коих просто добились. Еще под две сотни средних и легких раненых. Полностью здоровых (взятых, как правило, оглушенными, получивших хороший удар по голове) вышло только с три дюжины. Средней степени тяжести раненых тоже хотели добить (чего с ними возиться?), но княжич не дал по совету приبلудной души.

«Хорошо бы наложить руку на пленных, в том числе раненых, – заметил Штыков. – Нам рабочие руки на особо тяжелые работы ох как нужны. Подлечим их немного, и будет кому глину месить да кирпичи лепить, тем более, что за ними есть кому приглядывать. Все не нашим будущим кадетам надрываться».

«Хорошо, потребую зачесть полон в часть своей доли, благо раненые, особенно средней степени тяжести, кои неизвестно, выживут ли вообще, дешево обойдутся», – согласился княжич.

Полон и прочие трофеи погрузили на ладьи, что как раз прибыли с припасами для дружины. С ними же отправили раненых дружинников. После чего дружина начала преследование противника, скрывшегося в болотистых лесах.

Это они зря. Леса и болота для степняков территория враждебная, в то время как для русичей – дом родной.

Еще целый месяц княжич носился по лесам и болотам, гоняя половцев. Точнее, они как таковые были без надобности, охота больше велась за виновниками грабежа подмосковных земель.

Масштабных сражений больше не было, лишь отдельные и довольно редкие схватки между мелкими группами до сотни человек. В общем, дружина занималась тем, что выдавливала половцев обратно в их степи. Увы, «сладкая парочка» тоже уткнула в неизвестном направлении, так что от них снова можно было ждать пакостей, не через год, так через два.

4

Потом было триумфальное возвращение во Владимир. Юрий Всеволодович прямо-таки сиял от расправшей его гордости.

– Порадовал ты меня, сыне! Порадовал! – обнял княжича великий князь. – Порадуйся и ты за меня! Я решил снова жениться!

– Э-э... да, отец, это радостная весть! – опешил Юрий Всеволодович, никак не ожидавший такого кренделя от папаши, да и приبلудная душа об этом не заикалась даже.

«Ну надо же, что называется, седина в бороду – бес в ребро...» – усмехнулся Штыков.

«И ты про то ничего не поведал...»

«Так я же сразу сказал, что все не помню, несмотря на улучшившуюся память».

Впрочем, выглядел Всеволод Юрьевич действительно гораздо лучше, чем зимой. Видимо, наконец отошел от тяжелого похода на Рязань, все-таки пятьдесят пять лет, по местным меркам возраст весьма и весьма почтенный, а также подкосившую его потерю Новгорода (две неудачи подряд – весьма обидно, или все-таки полторы, ведь Рязань формально осталась союзной Владимиру), и почувствовал в себе силы для новых свершений по всем фронтам, в том числе на личном.

– И кто она? – спросил княжич.

– Любава Васильковна, дочь Василька Брючиславича, князя Полоцко-Витебского.

– Что ж, совет да любовь...

– Что, думаешь, на старости лет отец твой чудить начал?

– Нет, думаю, что ты выгоду какую-то хочешь получить...

– И какую?

«Экзамен тебе решил устроить, на понимание политического момента...» – решил нужным предупредить Штыков, почувствовав, что княжич больше раздражен новостью о свадьбе отца.

Княжич успокоился и ответил:

– Для чего этот союз Васильку Брючиславичу, я понимаю хорошо, ему союзник в борьбе с Орденом меченосцев нужен, а вот зачем он нам... Только, разве что, чтобы Новгород зажать в тисках.

– Верно...

Потом был пир горой в честь успешного похода Юрия.

«По усам текло, да в рот не попало», – пожаловался на это Штыков.

Увы, он даже вкуса не чувствовал, что его изрядно удручало.

А дальше начались трудовые будни, в которые Штыков окунулся с головой, чтобы отвлечься от тяжелых дум о своей нелегкой судьбе.

Пленных половцев, большая часть из которых за это время поправилась, отвезли в крепость, где приставили к делу.

– Кто не работает, тот не ест, а кто не ест, тот подыхает с голоду, – с такими словами начал свое вступительное слово перед пленными княжич по совету приبلудной души, Штыков даже примерную речь накидал.

«Зачем?» – удивился хозяин тела.

«Чтобы работали усерднее. Когда есть надежда на спасение, то и дожить до этого спасения хочется. Просто напомни им об этой возможности».

– У вас есть возможность освободиться. Нет, вы не нужны мне как воины, ибо воины вы, как из говна стрела. Вы познаете все те прелести, на которые обрекали русских полоняников, вы будете работать от рассвета до заката, до изнеможения. Но возможность у вас все же есть, а заключается она в том, что ваши соплеменники однажды придут и отобьют вас...

Домну за их отсутствие, кстати, сложили, и она просохла. Сделано все было вроде как надо, но так или нет, покажет лишь опыт. Осталось только загрузить в нее необходимые элементы и запалить. Что, собственно, и сделали. В шахту ушел весь запас закупленной руды, это порядка ста пудов, что по примерным расчетам должно было дать четыреста-пятьсот кило чугуна.

По сути после всех трат княжич стал банкротом, и теперь кровь из носу требовался положительный результат, что не только возместит все потери, но и даст ощутимую прибыль, кою можно будет потратить на расширение производства и прочие нужды.

– С богом...

Рабы очень пригодились. Было кому бегать в беличьем колесе, качая меха. Систему многократно протестировали, чтобы, не дай бог, не вышла из строя в самый неожиданный момент. Благо система проста.

Рабы посменно бегали в колесе трое суток. В специальный приемник в носике одного из мехов то и дело подсыпали угля, потому как Штыков боялся, что имеющегося в изначальной закладке топлива может не хватить, в конце концов, он просто не представлял, сколько нужно, и хоть клал, как ему казалось, с запасом, но, как говорится, кашу маслом не испортишь. Ну и зачем-то же помимо воздуха в современном производстве добавляют природный газ...

К счастью, меха не порвались, форсунки не забились шлаком, и домну не закозлило. То есть пословица о первом блине комом не сработала. А то это был бы эпичный провал. Но обошлось.

– Давай! – кивнул княжич по команде Штыкова, и один из рабочих пробил пробку.

По желобу стремительно потек чугун в подготовленные формы, что быстро меняли. Большая часть, конечно, проливалась, но это не страшно. Соберут.

Наблюдавшие за процессом радостно взревели. Все-таки они не верили в то, что у княжича что-то получится. Ведь никто так не делает...

Застывший чугун поломали и отправили на новую переплавку в другую печь, на этот раз в тиглях для получения стали.

И она таки получилась... Не во всех тиглях одинакового качества, но оно и понятно, ведь и здесь шли натурные эксперименты, подбиралось соотношение чугуна и угля.

– Да-а... – удовлетворенно прошептал Юрий Всеволодович, держа слиток.

«Добрая сталь! Я до последнего не верил, что все получится», – признался он приبلудной душе.

«Признаться, я тоже имел некоторые сомнения...» – в свою очередь признался Штыков.

«Надо из этого железного уклада сделать подарок отцу к свадьбе».

«А стоит ли светиться с результатом?»

«Ну, отец ведь и так знает, чем мы тут занимаемся, сами сказали, а потому нужно показать, что все получается».

«Тут ты прав. Но вот остальные...»

«Все равно тайну долго не удержим. Дураков нет, все прекрасно поймут, для чего мы столько руды и угля скупили, а после этой удачи еще закажем, как ты говоришь, два плюс два умные люди сложить смогут без труда».

«Что ж, подарок так подарок, – согласился Штыков с доводами. – Что хочешь сделать?»

«Конечно же, меч!»

«Ну да, что еще...»

«Надо только придумать, что написать», – озадачился княжич.

«Тут и думать нечего».

«И что же?»

«Кто к нам с мечом придет, тот от меча и погибнет».

«Здорово!»

Наняли кузнеца-оружейника за железный уклад, и тот принялся за ковку меча. Только не типичного и «дешевого», как сейчас делали, просто выковывая железную полосу и закаляя ее, а по технологии скручивания прутков разного качества.

– И скрутишь не менее дюжины раз!

Кузнец ворчал на трудоемкость процесса, но заплатили ему за работу щедро, опять же, княжичу перечить – себе дороже, можно и проблем огрести, так что делал, как сказано, на совесть, крутил и ковал, ковал и крутил.

Результат поразил самого кузнеца, да и княжича тоже.

– Харалуг...

Ну да, по всему клинку шли характерные волны.

Штыкова же порадовала гибкость клинка. Мечи как средство убийства его интересовали слабо, а вот стрелковое оружие – весьма и весьма, ибо имеющиеся образцы его удручали. Казалось, местные самострелы состоят из одних недостатков: тяжелы, неудобны (приклада нет), взводить и вовсе мука (хорошо если один выстрел в минуту удастся получить), дальность мала, убойность низка, надежность конструкции в целом так себе...

Кузнецы попроще из стали похуже тем временем работали над ширпотребом, а именно, топорами, пилами, ножами и серпами для крестьян да наконечниками для стрел. Этот ширпотреб планировалось использовать в качестве платежного средства для крестьян, чтобы они занялись добычей железной руды, пока нет своих работников в достаточном количестве. К тому же окрестные болота по большей части давно выработали, так что требовалось сильно удаляться...

А пока руду добывали и везли, рабы и рабочие месили глину, делали кирпичи и рыли полости в холме для новых доменных печей.

Старую печь разобрали, и по виду кладки, наполовину осыпавшейся, наполовину оплавленной, со всей очевидностью стало понятно, что печи на данном этапе будут одноразовыми. Но это не сильно расстроило, так, собственно, и предполагалось. Уже хорошо то, что не обвалилась.

Несмотря на одноразовость печей, их производительность по сравнению с известными методами получения стали потрясала, так что это окупало все трудозатраты многократно.

Глава 4. Дела семейные

1

Организовать полностью закрытый городок, этакую шарагу, не получилось. Местные просто не понимали данного принципа хозяйственной деятельности. С тем, что нельзя никого пускать внутрь посторонних без особого на то разрешения княжича, они были согласны, это понятно и правильно, но вот сами сидеть в крепости безвылазно неделями и месяцами – нет. Этого Штыков как-то не учел, но не стал накалять обстановку, доводя до бунта.

Да, все инвалиды, что пошли под руку княжича, поклялись на Евангелии жизнью, что не станут болтать о том, что происходит за забором, даже с родственниками, но... медовуха хорошо развязывает языки, особенно если так и распирает поведать по секрету всему свету о задумке княжича, больно уж необычные дела творятся...

Шутка ли, десять пудов чугуна в сутки выплавлять! А сколько всего делается, начиная от наконечников стрел и заканчивая большими чугунными казанами, в которых крупного барана можно сварить целиком! Ведь иногда так хочется оказаться в центре внимания, показать свою причастность к великим делам...

А то, что в крепости происходит что-то интересное, многие в окружающем мире уже догадывались. Тут и закупка большого количества руды, угля, тут и найм кузнецов, и появление на рынке металлоизделий, от ножей, серпов и новинки – кос – из доброй стали, до чугунных котелков и набора к домашним печам.

Крестьянам ведь рты уже не закроешь, а они полученные в уплату за труд изделия сносили на торг, где и выменивали на нужные им изделия. Большую часть скупали купцы, что мониторили рынок и не могли не заметить данного факта, вот они-то и заволновались, и озаботились розыском источника появления товара столь хорошего качества, да в таких количествах, обоснованно подозревая, что на торг сносится лишь часть.

И это учитывая, что большая часть получаемого металла шла на внутреннее потребление: оборудование для кухонь, печей, создание простейших станков типа прокатного и прессовального, а также механического молота, ну и складывалось что-то в запас. Выходить на рынок и обрушивать цены на данном этапе не хотели.

Так что умные люди сложили два плюс два и получили верный результат – княжич у них торговый хлеб отбирает. О чужом интересе свидетельствовало появление в окрестностях охотников, собирателей ягод и прочих даров природы в несколько... излишних количествах. И не заметить шлейф густого дыма они не могли, что подтверждало подозрения.

Так что в скором времени стоило ожидать сначала мягкой вербовки обитателей крепости, а потом, того и гляди, – похищения с целью информационного потрошения, что сопровождается физическими истязаниями с последующим кормом рыб. Тут с этим просто, нравы суровые.

Предчувствуя подобный результат, Штыков через реципиента старался держать бывших дружинников от производственного процесса подальше и ограничить общение с мастерами. Но дружинники и сами не особо стремились болтать с рабочими, сказывалась боевая кастовость, на этой почве даже пищу они принимали в разное время, чтобы не разговориться за едой. Тем более что рабочим особо и некогда чесать языками, только успевай крутиться.

Проблема в том, что дружинники все же не слепые, даже если одноглазые, что-то да видят: как полости в холме роют, как кирпичами внутренности обкладывают (без подробностей, но все же много ли надо умному человеку сообразить), как руду с углем загружают, как

работают меха, а потом через три дня льется металл... Вопрос в том, как много они понимают из увиденного и что из их гипотетических рассказов смогут понять вероятные разведчики?

Что до мастеров и их помощников, то с ними в этом плане было лучше. Их молчание и желание сидеть в крепости покупалось обещанием высокого вознаграждения. Благо, они видели результат своих трудов и понимали цену. И если до первой плавки чугуна еще было какое-то роптание, то после как отрезало. Опять же, мастера жили в крепости с семьями, так что больших причин гулять у них не было. Это воины от безделья маялись...

«Надо, пока не поздно, организовывать Службу внутренней безопасности, – предложил Штыков. – Без этого никуда уже сейчас, а в будущем без разведки и контрразведки – так и подавно».

«И как ты это представляешь?»

«Смутно, – признался Штыков. – Со всеми этими шпионскими делами я знаком лишь исключительно по книгам, да и там все без подробностей описывалось. Но, как я понимаю, нужны верные люди, прямо-таки собачьей преданности, по крайней мере, на высших должностях. Увы, таких в нашем окружении пока нет, и остается надеяться, что именно пока. Но с чего-то все равно начинать надо».

«И с чего начнем?»

«С провокаций и показательного наказания болтуна. Это заставит остальных быть более сдержанными и понять, что ты не шутишь».

Княжич оскорблено надулся.

«Это...»

«Да, знаю, это бесчестно, даже подло, но на кону стоит не просто удержание секрета, но и твое великое княжение, а также безопасность всех русских земель. Это наш крест, и нам его нести».

С «крестом» Штыков попал в цель, и Юрий Всеволодович вынужден был в целом согласиться с необходимостью проверок.

«Но мы такими шагами по отношению к дружинникам можем потерять их доверие», – все же сказал он.

«Обидчивые какие... Неженки», – фыркнул Юрий-вселенец.

Но тоже призадумался. Сбрасывать полную потерю лояльности со счетов не стоило. Не в той они ситуации, чтобы разбрасываться таким ресурсом. Могут ведь посчитать себя свободными от обязательств и, несмотря на клятвы, целенаправленно пойти на прямое предательство.

«Нет, на прямое предательство они не пойдут, – заметил реципиент. – Но и защищать мои интересы не станут, если могут этого не делать, оставшись в стороне, тогда как сейчас кинутся на защиту, не раздумывая».

«Классическая палка о двух концах... Что ж, надо над этим еще подумать и молиться, чтобы охочие до наших секретов по-прежнему опасались связываться с тобой, дабы не поиметь проблем от отца. Беда только в том, что рано или поздно кто-то осмелеет настолько, что потеряет всякую осторожность и если не сам влезет, то подрядит кого-то за долю малую. Как говорится, нет такого преступления, на которое не пойдет капиталист, то бишь купец, ради получения трехсот процентов прибыли... Хотя за точность цитаты не ручаюсь, но смысл верный».

2

От непростых мыслей Юриев отвлекло открытие ворот и въезд в крепость двух телег в сопровождении дюжины воинов-инвалидов, способных к охранной деятельности, тупо служа пугалами в отношении залетных татей, что, бывало, озоровали в округе. Хотя, конечно, не все так печально, может, пешими они и были несколько неуклюжи, так как имели проблемы с ногами, но вот конные...

На телегах ехали десять пацанов от девяти до тринадцати лет. Все в худой одежде, по сути – рванине.

«Вот и первые птенчики», – удовлетворенно подумал Штыков.

Один из инвалидов двинулся для доклада, но Юрий Всеволодович махнул рукой, дескать, не стоит, сам все вижу.

– Здравствуйте, юнцы.

– И тебе здравствовать, княжич... – вразнобой ответили они с поклоном.

Было видно, что они сильно робеют.

– Не надо меня бояться. Я рад, что вы приехали, вас тут никто не обидит. Исполняя обет, данный мной Господу, я хочу предоставить каждому их тех, кто оказался в крайне тяжелом положении, шанс подняться и стать тем, кем вы сами захотите. Все будет зависеть уже от ваших желаний и прилагаемых усилий.

– Кем? – спросил самый смелый и наглый из них, лет двенадцати, хотя, может, и старше, недоедание сильно сказывается на взрослении.

– Как звать, малец?

– Михаилом крестили...

– Так вот, Миша, ты можешь стать мастеровым: кузнецом, механиком, горшечником, кирпичных дел мастером, работать с деревом и много чего еще... – сказал княжич, а после паузы добавил: – А можешь стать воином.

На последнем слове глаза у ребят вспыхнули.

Удивляться тут нечему.

Как в советское время дети хотели стать моряками, десантниками, танкистами, летчиками, космонавтами, так и сейчас местная ребятня желала бороздить моря и реки на ладьях или в составе конных дружин снискать славу и богатство в битвах. Ведь быть воином – это круто.

На то, собственно, и был расчет. Да, ребята, что выберут мирный труд, или кто просто не сможет встать в строй, тоже очень нужны, но все же в первую очередь требовались именно будущие солдаты.

«Они наши с потрохами», – удовлетворенно заметил Штыков.

«Да...»

Дальше пошли организационные вопросы. Княжич приставил к первому десятку ребят наставника, и тот повел их размещаться в казарму, но прежде отмываться от грязи и избавляться от вшей путем стрижки наголо.

«Думаю, пора выходить на рынок и начинать продажу металла и товаров, – добавил вселец. – Сейчас они косяком попрут, всех надо одеть, обуть, накормить».

«Согласен».

На данном направлении тоже велись работы, а именно несколько слуг княжича занимались тем, что собирали информацию о купцах, как своих владимирских, так и тех, что регулярно ездили торговать в княжество из других русских земель. Смотрели на репутацию, на финансовые возможности и то, как широко раскинута их торговая сеть. По результатам анализа выбрали для начала троих подходящих купцов из Владимира, Новгорода и Киева, охватывавших север, запад и юг Руси, с кем и решили заключить торговый ряд.

Купцам предлагали покупать производимый княжичем товар на двадцать процентов ниже рыночной цены. Условия более чем выгодные, ведь мало того, что товар отдавался дешевле, так он еще был куда как качественнее того, что продавалось, так что только за счет качества можно было наварить еще десятую долю. К тому же отдавать серебром надо лишь пятую часть стоимости.

– На остальные средства, что причитаются мне от продажи, будете покупать для меня то, что я потребую: а именно железную руду, кожу, шкуры и ткани, но на это уйдет малая часть

денег. Большую же часть я хочу, чтобы вы тратили на выкуп русских людей, что иные, презрев Бога, продают нехристям, и везти сюда.

По сути предлагалось перенаправить поток работоторговли с юга и востока на север. По крайней мере, часть этого потока.

Земли в княжестве полно, расселить есть где. Особенно если начать процесс «взлета на холмы». А то ведь сейчас крестьяне обрабатывают землю исключительно в прибрежной зоне.

А узнав, что во Владимирском княжестве правит богобоязненный князь, что защищает людей от рабства, уж агенты Юрия Всеволодовича постараются запустить такую информацию в народ, люди сами сюда пойдут. Они и так идут на север (но север – он ведь разный, тут и Новгородская республика, тут Полоцкое княжество), спасаясь от постоянных половецких набегов на южные пределы русской земли, а так люди хлынут именно во Владимир просто потоком. А чем больше людей, тем богаче и крепче княжество.

В общем, в сознании людей Владимирское княжество должно стать этакой землей обетованной, где сытно и безопасно, при этом князь не дерет с людей три шкуры. Хотя, конечно, пока такая деятельность несколько преждевременна, ведь Юрий еще не великий князь, но все же решили закладывать задел на будущее, так сказать, потихоньку капать людям на мозги.

Особенно хорошо, что этим людям, что придут, по сути, без ничего, дав все необходимое для жизни (пусть не бесплатно, а по минимальной цене с длительным сроком выплаты), в том числе инструмент, конкретно плуги (пусть не цельнометаллические, а деревянные, но со стальным ножом), можно навязать новые правила сельского хозяйствования, сиречь трех-, а то и пятиполье с внесением дополнительных удобрений. А то клевер – это, конечно, хорошо и очень нужно, но не стоит забывать о навозе, в том числе птичьим помете и древесной золе. Увы, но сейчас весь этот ценный ресурс в лучшем случае просто выбрасывался в ближайших овраг, и тогда его еще можно использовать, а в худшем – вываливают в реку. Жуткое расточительство.

Что до руды, то при той планируемой интенсивности использования местных ресурсов их хватит от силы на несколько лет, так что следовало сразу окучивать залежи за пределами княжества.

3

Настал день свадьбы великого князя владимирского Большое Гнездо. Играть ее решили в первый месяц осени, но оно и понятно, пора изобилия, урожай собран, дичь подросла и набрала жирку, еще более-менее тепло. Погода, кстати, как по заказу, установилась сухая. В чем многие увидели расположение небесных сил к великому князю, в кои-то веки удалось собрать урожай без больших потерь.

Гости съезжались загодя, кто сам, а кто не мог оставить свои владения без личного пригляда из-за сложной обстановки с соседями – своих сыновей-наследников.

По случаю такого торжества Всеволод Юрьевич простил своего непутевого сына, и Святослав вернулся из ссылки.

Вся эта кутерьма по большей части прошла мимо Юрия Всеволодовича, ибо он был занят делами в своей крепости. А они нарастали как снежный ком. Купцы возвращались из своих торговых рейсов для зимовки в родных пенатах и продажи набранных товаров, и, как результат, пошел основной поток беспризорников, коих удалось сманить агентам княжича.

К слову сказать, до ледостава их собралось более пяти сотен. Немало. Штыков даже подозревал, что это чуть ли не половина всех беспризорников Руси из тех, что ошивались в крупных городах. К этим пяти сотням прибавилось еще столько же ребят из бедных семей Владимирского княжества.

Как говорится, шила в мешке не утаишь (да его особо и не прятали, скорее, даже наоборот: там слушок пустят, тут обмолвятся), так что об инициативе княжича стало широко

известно, и бедняки, что едва-едва сводили концы с концами, решили избавиться от части малопродуктивных ртов на содержание княжича. Княжич не отказывался, на это, собственно, и был расчет.

Тысяча детей – много это или мало? Как посмотреть. Для Штыкова – не очень. По сути это наполнение обычной общеобразовательной школы с первого по десятый класс крупного города.

Но по местным меркам это весьма приличная толпа, особенно в плане ее пропитания. И кормить ее, учитывая, кем они должны стать через пять-семь лет, надо весьма и весьма плотно, не только рыбой, благо ее в реке полно, но и мясом.

Оставалось только пожалеть, что из-за религиозных заморочек нельзя было употреблять конину (ведь столько живности в степи бегает, ну а то, что табуны половецкие, так это мелочь... на крайняк купить можно было бы), как, собственно, и свинину! Последнее обстоятельство, когда о нем узнал Штыков, его просто поразило. Не мусульмане, чай, но поди ж ты... табу.

«Вот скажи мне, княжич, как так, а?! – разорился Штыков. – Кабанятину можно жрать, а свинину нельзя! Хотя разница между кабаном и свиньей лишь в том, что свинья домашнее животное, а кабан – та же свинья, но только дикая!!!»

«Действительно...»

Но в итоге логистика поставок продовольствия была отлажена, благо денег и товара, чтобы расплатиться, за все хватало. К осени на полную мощь раскрутился маховик промышленности, чугун лился сплошным потоком, перерабатываясь на товары широкого потребления и оружейную сталь.

Что касается учебного процесса, то тут Штыков особо ничего не выдумывал.

До обеда, наступавшего часа в два, занимались интеллектуальным образованием, то есть учились чтению, письму, счету, для чего пришлось потревожить епископа Иоанна и попросить у него монахов, владеющих данными науками. Увы, но грамотных даже среди духовенства было мало. Что Штыкова так же безмерно удивляло, ведь кто-кто, а священники, по идее, должны быть грамотными, чтобы изучать Библию, а потом нести слово Божье людям...

– Зачем им сие? – с подозрением и строго спросил он.

Когда Штыков решил интеллектуально развивать молодняк, реципиент этому тоже удивился и не понял, даже противиться стал.

«Пойми, – стал убеждать княжича вселенец, – эти солдаты однажды выйдут в отставку, по крайней мере, те, кто выживет, чем они займутся, более ничего не умея, как убивать? На дорогах грабить станут? Грабители из них выйдут знатные, тактически грамотные, ведь мы их обучим убивать на совесть. А увечные? Побираться, позоря этим самым тебя?»

«Хм-м...»

«Вот тебе и хм-м... А так они станут основой административного аппарата управления. То есть ты посадишь этих преданных тебе людей в провинции будущего единого государства под названием Русь, что станет для них высшей наградой. Они станут твоими глазами и ушами, они станут твоими руками, что будут карать и миловать. Это будущие судьи, учителя и священники. Да, учителя – это очень важно», – с нажимом добавил Штыков, невольно вспоминая тот бардак, что творился в те годы, когда он жил.

Украина, Прибалтика... да и Белоруссия, если уж на то пошло. Не смогли три части одного народа удержаться вместе, слишком много крови пролилось меж людьми. Никто из государей не пытался объединить людей кроме как мечом.

«Обучая детей, они станут приводить все население государства к единому знаменателю, вкладывая в обучаемых идеи единства. Образование станет тем, я бы сказал, главенствующим фактором, что в конечном итоге сошьет из кучи лоскутов княжеств единое одеяло, сделает это так крепко, как не сможет даже сила оружия и сурового закона. Да, княжество можно завоевать, установить там свои порядки, и люди склонятся перед насилием, но будут помнить о

своем подчиненном положении, пронесут эту память сквозь века, они станут восприимчивы к внешнему враждебному воздействию, чтобы однажды, в минуту опасности, ударить изнутри... Потому все должны ощущать себя единой нацией, говорить на одном языке, думать на одном языке... Для чего учить надо не только избранных, а всех, невзирая на сословие и уровень достатка, для чего делать это бесплатно. Да, это дорого, но единство и мощь страны никогда не стоят дешево».

«Мн-да...» – только и смог выдавить потрясенный спичем приبلудной души Юрий Всеволодович.

«Именно. Ты будущий великий князь, так что должен думать в перспективе на многие столетия, а то и тысячелетия, закладывая такой крепости фундамент, чтобы и твои потомки строили здание государства по составленному тобой плану, и даже если захотят что-то в нем изменить, то не смогут, собственно, они и не должны хотеть что-то менять. Они должны считать такой подход единственно верным и всех, кто пожелает что-то изменить, немедленно уничтожать без всякой жалости, ибо Русь превыше всего!»

Но вот что ответить епископу?

«А, собственно, почему бы не сказать правду? – предложил Штыков. – Дедок вроде вменяемый, в маразм вроде не впал, желает всяческого укрепления православия на Руси, а этого можно добиться, только если Русь станет единой страной».

И Юрий Всеволодович отжег, чуть ли не в слово в слово повторив спич Штыкова.

Епископ Иоанн слушал княжича с выпученными глазами и открытым ртом.

То, что он слышал, было неожиданно, смело, даже дерзко. О том, что говорил этот княжич, даже мечтать не приходилось, очень уж велика раздробленность, коя только усиливается с каждым поколением. Но то раньше. Сейчас, глядя в эти пылающие глаза оратора, слыша ту уверенность, с которой он говорил, епископ подумал, что очень даже может быть, что у его любимца все получится.

Справившись с собой, он сказал:

– Я дам тебе монахов-учителей и призову дополнительно из других княжеств для осуществления того великого дела, что ты измыслил. И еще, сын мой... я подготовил для себя замену... да, я уже очень стар и чувствую, что мне недолго осталось, не перечь, Юрий... так вот, я подготовил себе преемника, ты его знаешь, это игумен Симон... Пообещай ему патриаршество всей Руси, и у тебя не будет более преданного союзника в Церкви.

Теперь пришло время пучить глаза княжичу.

– Э-э...

– Да, сын мой, – усмехнулся епископ владимирский. – Не только у тебя есть великая мечта. Но и у меня. Тайная.

– Но, Владыко, патриаршество – это же...

– Да, ты все верно понимаешь, сын мой. Мы должны отделиться от Константинополя, а точнее, Никеи, этих греховодников... иначе так и будем влачить жалкое существование, прозябая во тьме и невежестве. Сколь лет мы состоим в православном мире, и что? Греки засылают к нам своих священников и через то крутят нами как хотят. Мы словно провинция, из которой выкачивают соки... Получая десятину с русской земли, самую ценную ее часть: серебро и меха – мы отправляем в Никею... И что мы получаем с того? А ничего... Русских священников в высшем достоинстве совсем немного, и больше их становиться не будет, пока сами не станем воспитывать. Для чего нужны семинарии, а строить их нам не позволяют, дескать, учитесь у нас. А там им вкладывают в головы чуждые нашей земле идеи. Так-то же...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.